

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ,
МОЛОДЕЖИ И СПОРТА УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА**

КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС

Направление “Филология”

№ 3

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

**Харьков
2011**

В статьях этого международного научного сборника рассматриваются актуальные вопросы когнитивистики, коммуникативных исследований, когнитивной прагматики и дискурса на материале славянских, германских и романских языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено к печати решением Ученого совета
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина
(протокол № 7 от 24 июня 2011 г.)

Редакторы:

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет)

Редакционная коллегия:

А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.И. Говердовский, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)
Г. Коллер, доктор филологии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
М. Миниелли, доктор филологии (Кингсборо Колледж университета г. Нью-Йорк, США)
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
Л.С. Пихтовникова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Запорожский государственный университет, Украина)
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, Россия)
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, Россия)

Ответственный секретарь:

Е.В. Бондаренко, канд. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

Журнал входит в перечень изданий ВАК Украины: “Филологические науки. Языкознание”.

Постановление президиума ВАК Украины № 2-05/4 от 22.04.2011.

Адрес редакционной коллегии:

Украина, 61077, г. Харьков, пл. Свободы, 4
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
Факультет иностранных языков
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции

Все статьи рецензированы

Выпускается ежегодно

© Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина, оформление, 2011

**МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА**

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦЯ, ДИСКУРС

Напрямок “Філологія”

№ 3

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

**Харків
2011**

У статтях цього міжнародного наукового збірника розглядаються актуальні питання когнітивістики, комунікативних студій, когнітивної прагматики та дискурсу на матеріалі слов'янських, германських і романських мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено до друку рішенням Вченої ради
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
(протокол № 7 від 24 червня 2011 р.)

Редактори:

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна)
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет)

Редакційна колегія:

А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.І. Говердовський, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)
Г. Коллер, доктор філології (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
М. Мінієллі, доктор філології (Кінгсборо Коледж університету, м. Нью-Йорк, США)
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
Л.С. Піхтовнікова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Запорізький державний університет, Україна)
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Волгоградська філія Російського державного торговельно-економічного університету, Росія)
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний університет економіки та фінансів, Росія)

Відповідальний секретар:

Є.В. Бондаренко, канд. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

Журнал входить до переліку видань ВАК України: "Філологічні науки. Мовознавство".

Постанова президії ВАК України № 2-05/4 від 22.04.2011.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, м. Харків, пл. Свободи, 4
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна
Факультет іноземних мов
Тел.: (057) 707-51-44
ishev7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції

Усі статті рецензовані

Видається щорічно

© Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

А.Е. Бочкарев ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ: КЛАССИФИЦИРУЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ – ПОНЯТИЕ – КОНЦЕПТ	6
П.Н. Донец О “ПОГРАНИЧНОМ” ДИСКУРСЕ	16
Ж.Н. Маслова ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	26
С.А. Моисеева, Е.А. Огнева ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	42
Е.С. Путий КОНЦЕПТОСИСТЕМА НЕМЕЦКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ	53
Е.А. Селиванова НОМИНАЦИЯ И КОГНИЦИЯ: НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ МОТИВАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	64
В.Е. Чернявская ДИСКУРС КАК ФАНТОМНЫЙ ОБЪЕКТ: ОТ ТЕКСТА К ДИСКУРСУ И ОБРАТНО?.....	86
Редакторы, редакционная коллегия	96
Рекомендации авторам статей	99

УДК 811.111'42

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КАТЕГОРИЗАЦИИ:
 КЛАССИФИЦИРУЮЩЕЕ ПОНЯТИЕ – ПОНЯТИЕ – КОНЦЕПТ**
А.Е. Бочкарев (Нижний Новгород, Россия)

А.Е. Бочкарев. Эпистемологические основания категоризации: классифицирующее понятие – понятие – концепт. Многие модели понимания, определенные с помощью анализа различных способов категоризации, такие как классифицирующее понятие, понятие, концепт, показывают, каким образом мир воспринимается в любой области знаний. Тем самым категоризация представляет собой последовательность терминов в которой каждый термин связан с другим моделью понимания.

Ключевые слова: категоризация, концепт, знание, понимание.

А.Е. Бочкарьов. Епістемологічні підстави категоризації: поняття, що класифікує – поняття – концепт. Багато моделей розуміння, визначені за допомогою аналізу різних способів категоризації, такі як поняття, що класифікує, поняття, концепт, демонструють, яким чином світ сприймається в будь-якій області знань. Тим самим категоризація є послідовність термінів, у якій кожен термін пов'язаний з іншим моделлю розуміння.

Ключові слова: категоризація, концепт, знання, розуміння.

A.E. Bockkarev. Epistemological bases of categorization. Many modes of understanding, determined by analysis of the different possible kinds of categorization, such¹ as idea, notion, or concept, show how the world is perceived in any field of knowledge. In this way categorization is a sequence of terms in which each term is related to each other term by the mode of understanding.

Key words: categorization, concept, knowledge, understanding.

В восприятии действительности человек руководствуется, о чем свидетельствует многообразие видов и способов категоризации, разными системами знаний. Каким бы ни был способ смыслополагания, общим остается моделирующий принцип: понимание не ограничивается воспроизведением вещи такой, как есть, а воссоздает ее в категориях соответствующей системы представлений. В качестве модуса видения каждая систематика задает свое “понятие”, каждое “понятие” утверждается специфической формой ряда, а каждая форма постигается через устанавливаемые внутри ряда отношения.

“Всякое видение, – пишет Дж. Серл, – есть “видение как”” [Серл 2002: 133]. Когда некто смотрит, например, на свои ботинки, он видит их сразу и как ботинки, и как свои ботинки. В первом случае ботинки воспринимаются в

совокупности таксономических свойств типа /артефакт/, /покров/, /обувь/, во втором – в совокупности характеризующих свойств типа /летние/ – /зимние/, /старые/ – /новые/ и т. п. “Видение как” структурирует восприятие в соответствии с заданным набором релевантных свойств, по которым определяются в когнитивной проекции окружающие нас вещи. Ибо воспринимать нечто как *ботинки*, как *дерево*, как *утку* или как *кролика*, можно, согласимся, лишь при условии, если воспринимаемые нами эмпирические формы соответствуют привычным для нас представлениям о том, как выглядят и какими свойствами обладают обычно *ботинки*, *дерево*, *утка* или *кролик*. И даже, продолжает Дж. Серл, когда изображенные на картинах сюрреалистов предметы расходятся с привычными ожиданиями, идентификация изображения совершается опять-таки путем соотнесения с известными схемами восприятия. Так что даже *провисшие часы* на картине Сальвадора Дали остаются по-прежнему часами, *трехголовая женщина* – женщиной, ибо помимо “странных” свойств обладают все-таки некоторыми общеизвестными таксономическими свойствами, по которым определяются представители данных категорий. Идентификация чего-то как того-то или того-то, заключает Дж. Серл, возможна, таким образом, только благодаря категоризации, образующей в терминах гештальтпсихологии некий общий фон, на котором воспринимаются созерцаемые нами внешние формы и на котором, самое главное, эти формы идентифицируются именно как *ботинки*, как *дерево*, как *утка*, как *кролик*, как *женщина* или как *часы*.

1. По свидетельству историков, тенденция к категоризации намечается уже в донаучном мышлении. Ибо если категоризацию понимать как придание определенности недифференцированному целому [Кассирер 2002, 1: 222; Лосский 1991: 198-199], а уделом категоризации считать понимание предмета по наиболее существенным его свойствам, начатки категоризации можно обнаружить уже в первичной номинации. Сходной оказывается, во всяком случае, общая тенденция к подведению элементов в форму “понятийного” ряда по какому-то общему для всех элементов квалифицирующему признаку. Так, рус. *подснежник*, например, определяется в отношении к *снегу*, а устанавливаемые в этой связи признаки /нечто/, /под снегом/ задают, можно сказать, первичное “понятие”: “квалифицирующее понятие” (Э. Кассирер). Из этого, конечно, не следует, что образованный таким образом ряд совпадает с родом. В отличие от традиционных родовых понятий первичное понятие остается не более чем псевдопонятием, ибо основывается не на объективных связях между объектами, а на каком-то случайно подмеченном их сходстве. Но именно это сходство, каким бы случайным оно ни казалось [Серебренников 1977: 155; ср. Степанов 1997: 61], и задает специфическую форму ряда: “существенный момент той “внутренней формы”, благодаря которой языки приобретают специфические отличия” [Кассирер 2002, 1: 232].

С архаическими формами категоризации совпадает во многом детское мышление. Как показывают экспериментальные исследования, процесс

образования понятий включает последовательно несколько этапов. На начальной стадии психического развития значение синкретично и диффузно, ибо распространяется на ряд объединенных во впечатлении ребенка, но внутренне не связанных между собой вещей [Выготский 1982, 2: 136]. Ярким тому свидетельством является хотя бы классический пример из детского лексикона: *луна* → *лимон* или *абжур* → *арбуз*. Когда ребенок называет арбузом доселе неизвестный ему предмет в виде круглого матового колпака, аналогия между разносистемными элементами устанавливается по общему свойству – шаровидности. “Тут, – пишет А.А. Потебня, – произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом. Назвав белый стеклянный шар арбузом, ребенок не думал приписывать этому шару зеленого цвета коры, красной серединки с таким-то узором жилок, сладкого вкуса <...>. Из значения прежнего слова в новое вошел только один признак, именно шаровидность. Этот признак и есть знак значения этого слова” [Потебня 1941: 17].

На последующем этапе развития предметы объединяются в некие более или менее упорядоченные комплексы, ибо, сближаясь в один ряд, подводятся под общее значение на основе действительно существующих между ними объективных связей. Мышление в комплексах отличается от синкретического мышления главным образом тем, заключает Л.С. Выготский, что “вместо “бессвязной связности”, лежащей в основе синкретического образа, ребенок начинает объединять однородные предметы в общую группу <...> по законам объективных связей, открываемых им в вещах” [Выготский 1982, 2: 139].

Обращение к объективным связям между вещами – еще не понятийное мышление, а значение, установленное путем подведения предметов под общее значение, еще не понятие. Ибо, пусть производимая в комплексном мышлении систематизация и совершается путем генерализации, в основе комплектации предметов по комплексному принципу лежат все-таки не абстрактно-логические, а открываемые в непосредственном опыте фактические, непременно конкретные связи. Так что элементы, входящие в состав комплекса, связываются между собой самыми разнообразными отношениями, а один и тот же элемент входит по различным своим признакам в разные комплексы. Именно многообразие связей, лежащих в основе комплекса, составляет, таким образом, главнейшую черту, по которой комплексное мышление отличается от мышления в понятиях: (i) элементы комплекса связаны между собой разнотипными отношениями, тогда как в основе понятия лежат связи одного и того же типа; (ii) в комплексе отражается фактическая, случайная, конкретная, а в понятии – существенная связь между окружающими нас вещами и явлениями; (iii) в комплексе нет никакой иерархии признаков: все признаки принципиально равны в функциональном отношении.

Выделение отдельных квалифицирующих признаков из общего комплекса признаков происходит, таким образом, еще в раннем возрасте, но переход от

изолирующей к генерализирующей абстракции становится возможным, по наблюдениям психологов [Выготский 1982, 2: 130-131, 139-166; 1984, 4: 103-104, 119-121], только в переходном возрасте, в период полового созревания, когда формируется категориальная картина действительности. Онтологически существенные (родовые) признаки усваиваются, стало быть, в последнюю очередь, причем действительно значимыми становятся не сами по себе признаки, а устанавливаемые на их основе связи и отношения между вещами.

Так приходим к принципиальным для категоризации установлениям:

- В детском и архаическом мышлении становление понятий совершается более или менее сходным образом. Недостаток объективных связей между вещами компенсируется “переизбытком субъективных связей”, так что разнотипные вещи подводятся под общее значение по какому-нибудь акцидентному квалифицирующему признаку. В этом заключается, собственно говоря, синкретизм детского и архаического мышления.
- Образование понятий совершается, пока не сложатся подлинные понятия, путем последовательного перехода от одной структуры обобщения к другой – от элементарного к более высоким типам обобщения. Действительно релевантными являются при этом не сами по себе признаки, а устанавливаемые на их основе связи и отношения между вещами.
- Поскольку понятийное мышление тесно связано с речевым мышлением, образование понятий можно изучать только в отношении к функциональному использованию языковых знаков. На разных этапах формирования понятия референция к внеязыковым объектам может оставаться идентичной, тогда как значение слова *развивается* путем изменения системы связей и отношений, которые за ним скрываются – от диффузного значения к наглядному, а затем, наконец, и к категориальному значению.

2. В традиционном освещении учение о категориях совпадает с учением о естественных родах. Категорию определяют по наиболее существенным свойствам, которыми обладают по определению все входящие сюда элементы, а от этих свойств заключают к содержанию понятия. Понять, например, что собой представляет *собака*, можно только в рамках соответствующей категории: //животные// → /животное/, //собаки// → /собака/ и т. п. Так по принадлежности категории устанавливают наиболее существенные свойства всякого входящего в категорию элемента, а в этих свойствах усматривают в обратном порядке необходимые и достаточные условия для образования категории.

В онтологической картине мира основанием подведения вещей под понятие, а заодно и критерием адекватности выделяемых в понятии свойств, может быть только объективное знание. За неимением такого знания “ряды сходств” складываются произвольно, а образуемое случайным образом “понятие” не дает нам ничего для понимания сущностных свойств

обозначаемой словом вещи. Так, подводя *собак* и *гусей* под множество прожорливых существ в выражении вида *Не гуси – прожорливые собаки*, мы получаем не какое-то логическое понятие, а разве только оценочное суждение, не дающее нам ничего для понимания того, чем являются в действительности *гуси* и *собаки*. Более пригодными являются, разумеется, таксономические знания. Эти знания позволяют, во всяком случае, установить, что по принадлежности классу //животные// ‘собака’ характеризуется по признаку /животное/, по принадлежности классу //собаки// – по признаку /собака/, а по существующим внутри класса отличиям – по признакам /сторожевая/, /охотничья/ или /дворовая/. Так задается онтологическая модель мира; причем не просто модель, а мир, понятый в смысле такой модели [Кассирер 2002, 1: 41, 47; ср. Лакофф 2004: 283].

Принципиальными для семантики становятся в итоге такие положения:

- В онтологической картине мира категоризация – итог познания вещей по наиболее существенным их свойствам, а также связям и отношениям с другими вещами.
 - Строчение онтологических классов задается системой объективного знания.
 - В онтологическом ракурсе к компонентам значения всякого именного выражения приходится заключать от объективных свойств обозначаемой этим выражением вещи, а об истинностном значении суждения опять-таки судить по тому, насколько предсказуемые признаки соответствуют объективным свойствам вещи:
- Суждение истинно, когда отношение субъекта к предикату основывается на объективно достоверных сведениях, а субъект суждения тем самым заключает в себе основание предиката. Например, в суждении *Собака лает* отношение предиката к субъекту истинно, потому что свойство, по которому характеризуется *собака*, не противоречит свойствам класса: *собаки* по определению могут лаять. Так таксономические знания образуют необходимый семантический фон, на котором воспринимаются отдельные свойства, состояния или действия индивидуальных объектов как объектов того или иного класса.
- Суждение ложно, когда отношение субъекта к предикату противоречит объективным знаниям. Например, в высказывании *My dog has wings* “у моей собаки есть крылья” отношение субъекта к предикату ложно, разве только вообразить какую-то фантастическую собаку, ибо, как замечает У. Чейф, у собак нет крыльев, они не умеют летать, а только бегать и прыгать [Чейф 1975: 100–101]. Так таксономические знания задают ограничения на сочетаемость лексических единиц, а всеобщий характер этих знаний делает эти ограничения универсальными – одинаково обязательными для говорящих по-русски, по-английски или по-японски.
- Суждение неопределенно, когда неясно, насколько присоединенный предикат соответствует субъекту суждения. Поэтому, замечает Ж. Клейбер, словосочетание типа *желтая собака* можно истолковать разве

только в референтном употреблении [Kleiber 1990: 130-131]. Причем в условиях, добавим, только определенной (“прозрачной”) референции, когда область референции сужается с класса до индивида, а сквозь значение референтного выражения, говоря словами Б. Рассела, как бы просвечивает индивидный объект, на который указывает это выражение.

- Поскольку классы строятся на родовидовых отношениях, именно способ построения класса позволяет установить в микросемантическом анализе различие между родовыми и видовыми признаками. Так, внутри класса //собаки// ‘овчарка’, ‘пудель’, ‘борзая’ и ‘дворняжка’ совпадают по родовым признакам /животное/, /собака/, но различаются по видовым признакам /сторожевая/ vs /охотничья/ vs /декоративная/ vs /дворовая/.

3. Классическая теория категорий вызывает нередко нарекания. Чтобы показать неадекватность классических построений, Дж. Лакофф приводит, в частности, свидетельства из области зоологии, в том числе различия кладистской и фенотипической моделей в таксономии животных [Лакофф 2004: 246-259]. Поскольку эти модели придерживаются разных критериев классификации, “естественные роды” группируются, нельзя не согласиться, по-разному: по синапоморфным признакам, на которых основывается кладистская модель, *птицы* и *крокодилы*, например, объединяются в одну группу, а по автапоморфным признакам, которыми руководствуются фенотипическая модель, в разные группы животных.

Более убедительным доводом против объективистских принципов категоризации является скорее тезис о том, что в действительности категоризация сложнее и разнообразнее, что объективные научные таксономии не отменяют другие виды знания, в том числе систему обыденного знания (*doxa*), и что в категоризации необходимо, наконец, учитывать разные систематики. Весьма показательным является в этой связи разбираемый Дж. Лакоффом и М. Джонсоном пример о том, как воспринимается в обыденном сознании амер. *time* “время” [Лакофф, Джонсон 2004: 28-30; ср. Лакофф 2004: 276-278, 283, 383-384, 406; Падучева 1999: 761-776]. Подобно деньгам или другим материальным ценностям, констатируют авторы, *time* “время” переосмысливается в метафорической проекции как некий осязаемый ресурс, который можно рассчитать (*budgeted*), сэкономить (*saved*), потратить (*spent*), потерять (*lost*), транжирить (*wasted*), использовать с выгодой (*used profitably*) и даже расхищать. На примере указанных выражений можно, разумеется, рассуждать, насколько метафоричной является обыденная наша понятийная система, функционируют ли метафоры в языке поодиночке или семьями, говорить о видах метафоры, обсуждать, чем толкование субстантивной метафоры *время – деньги* отличается от толкования предикатной метафоры *транжирить время* и насколько “стертыми”, наконец, являются в языке разбираемые метафоры. Но в кругу обсуждаемых нами проблем особый интерес вызывает главным образом вопрос, как преобразуется восприятие *времени* в обыденном сознании, насколько связанный с метафорой

“категориальный сдвиг” подрывает основы объективной категоризации и как, наконец, способ представления в мысли подменяет реальное положение вещей. В этой связи нельзя, во всяком случае, не заметить, что присоединенные предикаты не совпадают с таксономическим знанием и что субъекту суждения предикуются свойства, по которым определяются обычно элементы другого класса. Категориальный сдвиг модифицирует объективное видение вещей, а вследствие автоматизации становится впоследствии конвенциональным, привычным и чуть ли даже не объективным, что выдается в данной установке мнения за достаточное основание самих суждений: *Время – деньги* или *Я понапрасну потратил целый час сегодня утром*. В терминах А.А. Потебни можно в этой связи сказать: “...объясняющему образу, имеющему субъективное значение, приписывается объективность, действительное бытие в объясняемом” [Потебня 1976: 432-433].

Не будучи, конечно, универсальной, такая концептуализация *времени* укореняется в обыденном сознании, так что многие американцы, заключает Дж. Лакофф, уже не замечают метафоричность выражений, а воспринимают их скорее как объективную характеристику того, чем является “на самом деле” *время*. Причем аргументом в пользу такой концептуализации, а заодно и интерпретантом метафорического отношения между ‘time’ *время* и ‘money’ *деньги*, здесь служит, очевидно, топос американского образа жизни в виде если не абсолютно истинного, то хотя бы общепринятого суждения: *чтобы заработать деньги, требуется время или чем больше тратится времени, тем больше вознаграждение*. Такая посылка позволяет, во всяком случае, преодолеть “категориальный барьер” (Н.Д. Арутюнова), а заодно и построить категорию из элементов разносистемных парадигм, куда включаются одновременно корреляты *времени* и *денег*, а *время* определяется по свойствам *денег*.

Установка на “внутренний” реализм позволяет, таким образом, сформулировать некоторые принципиальные для семантики положения:

- Понимание релятивно системе знаний, мнений или убеждений, в рамках которой совершается понимание. И даже если бы эти знания, мнения или убеждения были ложными, все равно они сохранили бы значимость хотя бы в данной системе мнения. Исключительно потому, что такие данные суть “концептуально инфицированные” данные [Патнэм 2002: 77].
- Поворот от мира, каким он является, к миру, как он понимается, меняет кардинальным образом критерии верификации истинностного значения суждений: истинностное значение суждений релятивизируется отныне относительно системы мнений, в которой оформляются эти суждения.
- Поскольку в системе обыденного знания классы создаются, как правило, из элементов разносистемных парадигм, именно строение класса позволяет установить в микросемантическом анализе различие между ингерентными и афферентными, собственными и привходящими, признаками:

- ингерентные признаки устанавливаются на основе симметричных отношений между семемами того же системного класса: ср. ‘пудель’ /комнатно-декоративная/ vs ‘овчарка’ /сторожевая/ внутри класса //собаки//;
- афферентные признаки устанавливаются на основе асимметричных отношений между семемами разных системных классов: ср. ‘овчарка’ /злая/ (//собаки/) → ‘человек’ /злой/ (//люди/).

4. *Место заключения.* В восприятии действительности человек руководствуется, о чем свидетельствует многообразие видов и способов категоризации, разными системами знаний. Причем, каким бы ни был способ смыслополагания – чувственно-созерцательным восприятием, научной таксономией или обыденным представлением, общим остается моделирующий принцип: понимание не ограничивается воспроизведением вещи такой, как есть, а воссоздает ее в категориях соответствующей системы представлений. Поэтому в отношении тех же самых, казалось бы, вещей и при той же, добавим, референции квалифицирующее понятие не совпадает с научным понятием, специально-научное понятие – с обыденным представлением. В качестве модуса видения каждая систематика задает свое “понятие”, каждое “понятие” утверждается специфической формой ряда, а каждая форма постигается через устанавливаемые внутри ряда отношения.

Вместе с формой ряда модифицируется необходимым образом и форма отношения, а вместе с формой отношения и содержание “понятия”. По свидетельству историков, в донаучном созерцательном познании “ряды сходств” складываются произвольно, а устанавливаемые внутри ряда отношения отражают если и не случайные, то далеко не существенные свойства вещи.

С переходом к познанию иного смыслового масштаба, более совершенному с точки зрения сущностных свойств вещи, меняется необходимым образом и форма ряда, а вместе с ней и содержание “понятия”. Так, в первичной номинации нем. *Hund* “собака”, например, определяется в отношении к дичи, ибо профилирующим свойством именованной вещи признается по определению отводимое ей предназначение: *ловить дичь*. В таксономической обработке категориальное значение задается, напротив, в отношении к хищным млекопитающим, домашним животным, а профилирующими становятся соответственно онтологически релевантные свойства /млекопитающее/, /животное/, /хищное/, /домашнее/ и т. п. Но, каким бы непрерываемым с точки зрения объективного знания ни было научное понятие, подводимый под “понятие” ряд не замыкается на таксономии “млекопитающие”, “семейство псовых” или “домашние животные”, а эволюционирует вместе с представлениями, чем является “на самом деле” для человека *собака*. В системе *doxa* сюда включаются, как ни странно, даже члены семьи, так что ‘собака’ определяется в терминах семейного родства еще и в отношении к дочери или сыну, а профилирующим в актуальном контексте мнения становится признак

/член семьи/: ср. *Мама любит своего сыночка* ('собака') (из рекламы собачьего корма по центральному телевидению).

“Понятие” обосновывается и утверждается, таким образом, не путем перечисления того, что под него подпадает, а интенционально – в форме устанавливаемых при его посредстве отношений: R_1, R_2, R_3, R_n . В отношении к *дичи*, например, в содержании понятия ‘собака’ актуализируется признак /охотник/, в отношении к *домашним животным* – /домашнее/, /животное/, а в отношении к *членам семьи* – /член семьи/. Причем в рамках любого понимания, имеем ли мы дело с научным или квалифицирующим понятием, понятием или концептом, форму определения нельзя смешивать с вещью, а какой-то формообразующий момент – гипостазировать в ущерб другим. Вместо догматического принципа *или – или*, с которым мы сталкиваемся нередко в теории значения, более приемлемым является скорее принцип *и – и*: разные “точки зрения” не отменяют друг друга, а находятся в отношении дополнительности. Единство значения обеспечивается в таком случае не тем, что все формы знания восходят к общему объекту, а тем, что образуют совместно *систему*, отдельные части которой предполагают друг друга в необходимом их различии. Так, говоря словами Э. Кассирера, единство субстрата заменяется функциональным единством [Кассирер 2002, 3: 163].

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. Собрание сочинений в шести томах. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.
2. Выготский Л.С. Педология подростка / Л.С. Выготский. Собрание сочинений в шести томах. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 5–242.
3. Кассирер Э. Философия символических форм. В трех томах / Э. Кассирер – М.; СПб. : Университетская книга, 2002. – 272 с., 280 с., 398 с.
4. Kleiber G. La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical / G. Kleiber. – Paris : P.U.F., 1990 (réédition : 2004). – 199 p.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
7. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма / Н.О. Лосский. – Избранное. – М. : Правда, 1991. – С. 11–334.
8. Падучева Е.В. К семантике слова время: метафора, метонимия, метафизика / Е.В. Падучева // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сб. ст. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. – М. : ОГИ, 1999. – С. 761–776.
9. Патнэм Х. Разум, истина и история / Х. Патнэм. – М. : Праксис, 2002. – 296 с.

10. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – М.-Л., 1941. – Т. 1–2.
11. Потебня А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 614 с.
12. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы) / Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1977. – С. 147–187
13. Серл Дж. Открывая сознание заново / Дж. Серл. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 256 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
15. Чейф У.Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.

Андрей Евгеньевич Бочкарев, доктор Парижского университета Сорбонна (IV), доктор филол. наук, профессор кафедры французской филологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; e-mail: abotchkaev@sinn.ru

УДК 801.73

О “ПОГРАНИЧНОМ” ДИСКУРСЕ П.Н. Донец (Харьков, Украина)

П.Н. Донец. О “пограничном” дискурсе. В статье речь идет о причинах возросшего в последнее время интереса к проблематике “границы”, определяется структура концепта ГРАНИЦА; вводится понятие “пограничного дискурса”, охватывающее общение и иную интеракцию участников соответствующей процедуры до, в процессе и после пересечения государственной границы, а также описываются его основные особенности.

Ключевые слова: граница, концепт, дискурс, факторы дискурса, жанр дискурса, пограничный дискурс.

П.М. Донець. Про “пограничний” дискурс. У статті йдеться про причини інтересу до проблематики “кордону”, що збільшується останнім часом, визначається структура концепту КОРДОН; вводиться поняття “кордонного дискурсу”, яке охоплює спілкування та іншу інтеракцію учасників відповідної процедури до, в процесі та після перетину державного кордону, а також описуються його основні особливості.

Ключові слова: кордон, концепт, дискурс, чинники дискурсу, жанр дискурсу, кордонний дискурс.

P.N. Donec. On the border discourse. The article deals with the reasons of increasingly growing interest to the subject matter of “border”. The structure of the border concept is determined. The category of “border discourse” embracing respective procedure participants' communication and other interaction before, during and after crossing the state border is introduced; its basic features are described.

Keywords: border, concept, discourse, factors of discourse, genre of discourse, border discourse.

Как известно, дискурс представляет собой многомерное образование, и его типологизация возможна на основании различных признаков, в частности, социального, коммуникативной тональности, канала общения, тематики, способов воздействия и информирования и др. [Карасик 2010: 279].

В настоящей статье речь пойдет о “пограничном” дискурсе, выделяемом на ситуативно-интеракционном и тематическом основаниях.

Категория “границы” привлекает в последнее время все большее внимание со стороны исследователей, работающих в самых различных отраслях науки. Этот интерес обусловлен целым рядом причин, среди которых можно выделить:

- **политические:** постепенное исчезновение традиционных государственных границ в Западной и Центральной Европе (создание и расширение Европейского Союза, Шенгенский договор), с одной стороны, и появление новых в связи с распадом Советского Союза, Чехословакии и Югославии – с другой;
- **экономические:** глобализация, постепенно намечающееся истощение различных природных ресурсов, а также достижение человечеством демографических и экономических пределов роста во многих сферах жизни;
- **социологические:** интенсивные дебаты в западных странах относительно процессов этнического отграничения и интеграции в связи с проповедовавшейся долгое время политикой “мультикультурализма”, ср. [Gestrich 1998: 9];
- **культурные:** постмодернистское размывание всех жанровых границ в искусстве, а также междисциплинарных разграничительных линий в науке;
- **эвристически-концептуальные:** референциальная мультивалентность и гибкость категории, позволяющая использовать ее при изучении феноменов самой различной природы.

Указанная мультивалентность объясняется “полисемантической” соответствующего концепта. Понятие ГРАНИЦА достаточно многозначно и распадается на ряд “семем”: 1) линия, разделяющая две сущности, 2) линия, разделяющая одну сущность на две или более частей, 3) край, конец некоторой сущности, 4) край, начало некоторой сущности, 5) пересечение, смешанная зона двух сущностей, 6) порог, разрушение некоторой сущности или переход ее в качественно иное состояние, 7) барьер, фильтр, мембрана.

Прототипической “семемой” ГРАНИЦЫ следует признать границу государственную – как показывает, к примеру, анализ немецкоязычного материала (можно исходить из того, что концепт ГРАНИЦА практически полностью совпадает с немецким коррелятом GRENZE). Так, в вероятно, наиболее авторитетном толковом словаре немецкого языка “Дуден” (Duden. Das Bedeutungswörterbuch) в качестве первого значения лексемы *Grenze* указывается: “...1.a) *durch entsprechende Markierungen gekennzeichnete Geländestreifen, der politische Gebilde (Länder, Staaten) voneinander trennt*”.

Этот вывод подтверждается и при изучении не менее известного Большого немецко-русского словаря под ред. О.И. Москальской – из 106 композит и дериватов с компонентом “Grenz(e)”, содержащихся в указанном словаре, 73, то есть 66 %, имеют отношение к семеме “государственная граница”.

В дальнейшем мы будем иметь в виду именно эту разновидность границ, которая может быть определена как линия, разделяющая два государства (объединение государств) и выполняющая функции фильтра или мембраны.

Дискурс, связанный с пересечением государственной границы, может быть подразделен, условно говоря, на: “пре-”, “ин-” и “постграницный” дискурсы. Первый из указанных типов дискурса охватывает общение и иную интеракцию

участников соответствующей процедуры до пересечения границы, второй – при ее непосредственном пересечении, а третий – рефлексию пересекших границу по поводу этого события в формах беседы, путевых заметок, мемуаров и т.д.

Как уже отмечалось выше, всякий дискурс представляет собой весьма сложный феномен, и поддается разделению на ряд факторов (Участники общения, Деятельность, Интенция, Мотив, Ситуация, Код, Тезаурус, Тема, Текст и др.).

Участниками “преграничного” дискурса являются *Пересекающие границу (Трансгрессанты)*: пассажиры, пешеходы, водители собственных автомобилей, обслуживающий персонал (проводники вагонов, водители автобусов и т.д.).

Ситуацию соответствующего дискурса можно определить как зону, непосредственно предшествующую пограничному контрольно-пропускному пункту. *Темы* общения зачастую касаются решения таможенных проблем (наличие валюты, распределение ограниченных квот на ввоз товаров, например, сигарет, или багажа, если его вес превышает норму, между спутниками) и иных обыденных затруднений (место в очереди, использование формальных и неформальных способов облегченного пересечения границы, обсуждение наиболее выгодных с коммерческой точки зрения предметов торговли и т.д. Необходимость преодолевать “тяготы и лишения” пересечения границы нередко приводит к возникновению специфической солидарности между Трансгрессантами [Бредникова 1999], ср. характерный пример подобного дискурса:

“Один из самых простых путей в Польшу для украинца начинается на автовокзале волынского Ковеля, откуда в направлении Люблина постоянно отходят рейсовые автобусы.

У касс к нам подходит женщина среднего возраста:

– Молодежь не в Польшу едет?

– В Польшу, – соглашаемся мы и слушаем ее инструкции, каким путем лучше всего попасть в Варшаву и в какой кассе можно скорее приобрести билеты.

– А вы сигареты с собой везете, нет? – осторожно спрашивает наша благодетельница.

– Пока нет, – подмигиваем и обещаем помочь ей в транспортировке табачных изделий.

Каждый человек, пересекающий украинско-польскую границу, имеет право провезти с собой блок сигарет и бутылку водки. Много лет подряд тысячи украинцев Волыни и Галичины зарабатывают на жизнь продажей отечественного табака и спирта по ту сторону границы. Понятно, легальной квотой не ограничиваются, но грех не воспользоваться возможностью провезти лишний блок на вполне законных основаниях.

Автобус отбывает, на перроне остается кучка женщин с сумками. Нет, они не передумали ехать – водитель подбирает их всех за углом, выехав за пределы автовокзала (подалее от глаз руководства).

– *А когда мы будем в Варшаве?* – спрашивает киевская студентка, едущая в гости к маме, которая работает в Польше.

– *До границы доедем через полтора часа, оттуда в Варшаву – четыре с половиной. А сколько будем стоять на границе – не знает никто, – ответил водитель”.*

(<http://glavred.info/archive/2007/12/05/170012-6.html>)

В случае “инграницного дискурса” к Участникам общения добавляются Служители границы: пограничники, таможенники, автоинспекторы, сотрудники фитосанитарного и ветеринарного, а иногда и медицинского надзора (к примеру, при эпидемиях тех или иных болезней), страховщики и т.д.

Вербальная составляющая этого дискурса носит достаточно бедный и стереотипный характер и может быть сведена к ряду фраз со стороны Служителей границы и соответствующих ответов Трансгрессантов: *“Подготовьте ваши паспорта для контроля!”* *“Какова цель Вашей поездки?”*, *“Чей это багаж?”*, *“Сколько у Вас с собой валюты”*, *“Есть ли страховка?”* и т.д.

Вместе с тем, прагматическая ценность ответов на эти вопросы весьма велика, ибо Трансгрессанту может быть отказано в выезде из страны/въезде в страну, у него могут быть конфискованы валюта, принадлежащие ему (перевозимые им) предметы искусства, вещи, продукты питания и т.д., от него могут потребовать заплатить пошлину за ввозимые товары и подвергнуть другим малоприятным испытаниям вплоть до личного досмотра, задержания и ареста – иными словами, с точки зрения статусных взаимоотношений “инграницный дискурс” является крайне асимметричным.

Абсурдность ситуации, когда опрашиваемый должен как бы доносить сам на себя, довольно часто вербализуется в “инграницном дискурсе”, ср. фрагмент из юморески М. Задорнова (для творчества которого пересечение границы вообще является своего рода топосом) “Сошлось”:

“Таможенник не узнал меня. Такое, кстати, бывает довольно часто. Начал пытаться заученными вопросами:

– *Наркотики есть? Драгоценности? Антиквариат? Что везете запрещенного?*

От последнего вопроса я даже улыбнулся. Я имел право себе это позволить, потому что, во-первых, не вез ничего запретного. Во-вторых, даже если бы я вез, неужели я бы добровольно ему в этом признался?

– *Скажите, а кто-нибудь вам отвечает, что он везет что-то запретное?*
– *спросил я у таможенника не без лукавства.*

Такой вопрос показался ему большой дерзостью. Он внимательно посмотрел на меня глазами-рентгенами. Похоже, мое лицо показалось ему подозрительно знакомым. Прищурился.

– *Вы не шутите на границе, а лучше откройте “дипломат””.*
(<http://www.zadornov.net/books/yanikogdanedumal/2-2-soshlos/>).

Попытки обозначить, вывести на поверхность абсурдность квеситивов со стороны Трансгрессанта воспринимается таможенниками и пограничниками,

как правило, как святотатство, покушение на сакральность ритуала, требующее немедленного наказания, ср. фрагмент интернет-чата, посвященного опыту пересечения казахско-российской границы:

“И главное на границе не шутить....

Я как-то пошутил: На вопрос, есть ли в машине колющие или режущие. Ответил: Да!!! Вон нож в автомобильной сумке, и вон лопата, которой можно труп закопать...

Таможеник посмотрел на меня молча (ни один мускул не дрогнул на его лице!!!) и промолвил: Достаем вещи к осмотру!!!

Это при том, что вещи были утрамбованы в багажнике по самое не хочу (в различные щели умудрился даже носки запихать). И главное, ехал из Борового в РФ в январе 2008 года, морозы ужасные стояли.

Как лох стоял и разгружал там вещи!!! БОЛЬШЕ ТАК НЕ ШУЧУ. Ну и вам не советую!”

(<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

О том, что подобная реакция носит достаточно универсальный характер, может свидетельствовать опыт пересечения границы бывшей ГДР гражданами Голландии:

“Wie die Grenzkontrolle bei der Einreise in die DDR normalerweise von statten ging, erzählen viele andere Zeugen. Bei uns lief es etwas anders. Es wurden, genauso wie bei den anderen Reisenden, die Pässe und Transitvisa kontrolliert, die grüne Karte mußte her, es gab Zwangseintausch von D-Mark gegen DDR-Marken und es wurde schon vier mal nach Waffen gefragt. Da meinte meine Mutter schon daß diese Fragerei ziemlich übertrieben war. Bei der letzten Kontrollstelle am Grenzübergang Helmstedt/Marienborn hatte meine Mutter wohl genug von diesem Theater was sich schon eine halbe Stunde hingezogen hatte.

“Als ein DDR-Grenzler erneut fragte ob wir vielleicht Waffen dabei hätten, hat sie einfach kurz und trocken "ja, immer!" geantwortet und wir erstarrten alle vor Schrecken, da wir erstens nicht mit Scherzen meiner Mutter gerechnet hatten und zweitens meinten, daß es jetzt zu einer unfreundlichen Durchsuchung kommen würde. Auch der Grenzler wußte nicht sofort genau wie er diese Antwort auffassen sollte, packte sich dann wieder zusammen und fragte ob meine Mutter ihm die Waffen zeigen konnte. "Nein", antwortete meine Mutter kurz, aber mit großem Lächeln. Nur meine Schwester kicherte. Der Grenzler fragte jetzt mit androhender Stimme um was für Waffen es sich denn handele. Da antwortete meine Mutter: "Ja, ich habe immer eine Waffe dabei und kann diese auch nicht ablegen... Denn es..." wo der preußisch aussehender Grenzler sie mit einem "Wie bitte!?" unterbrach und meine Mutter ihren Satz beendete mit: "Ja, die weibliche Waffe, natürlich!" Der Grenzler konnte dann ein großes Grinsen nicht mehr unterdrücken, sprang aber stramm in der Haltung, da sein Vorgesetzter auf uns zugelaufen kam. Meine Mutter lobte lächelnd den grinsenden Grenzler seinem Vorgesetzten gegenüber: "Ihre Angestellten sind sehr gut bei der Arbeit, denn sie finden alle Waffen, auch die geheimsten, zurück; Sogar die

weibliche Waffe wurde bei mir gefunden!" Allerdings hatte dieser Major überhaupt keinen Sinn für Humor und er befahl uns barsch und lauthals: "Fahren Sie weiter!"

(http://www.grenzerinnerungen.de/transit_ddd-vr_polien.htm)

Одной из форм проявления протеста против отдельных элементов иррационализма “инграницного дискурса” со стороны Трансгрессантов является перекавалификация речевого акта квеситива на промисив, что тоже вызывает резкую реакцию со стороны таможенников, ср. еще один отрезок из уже цитировавшегося интернет-чата, посвященного впечатлениям при пересечении казахско-российской границы:

“Пффф, это разве шутки, мне лет 14 было, когда на вопрос "оружие, наркотики есть?" я ответил – "таки это вопрос или предложение?"... Вот тогда весело было”.

(<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

Достаточно часто подобная ситуация обыгрывается и в анекдотах:

“Пассажир-новичок прилетел из Стамбула. Таможенник задает вопросы: – Гашиш? Героин? Опииум?

Переполненный впечатлениями от полета пассажир отвечает рассеянно: – Благодарю вас, этого добра у меня у самого полные чемоданы”.

(<http://forum.rastamozhka.ru/showthread.php?t=439>).

“Граница. Ночь. Железнодорожная станция. Таможенный досмотр пассажирского поезда. Распахивается дверь в купе и таможенный чиновник начинает проводить устный опрос непроснувшихся пассажиров:

– Оружие, наркотики, алкоголь, сигареты ...

Тут не совсем проснувшийся пассажир с верхней полки слабым голосом бормочет:

– Нет, спасибо! Чашечку чая, пожалуйста!”

(<http://www.puchkov.net/publications/person/humor.html>)

– Наркотики, оружие, боеприпасы, порнография есть?

– Нет. А у вас купить можно?”

(<http://aleksandr-l.ucoz.ru/news/5-0-2>)

Еще одним вариантом доведения до абсурда “инграницного дискурса” является смена Интенции Служителя границы (в приводимом ниже анекдоте таможенник задает вопросы не с целью не пропустить соответствующие товары или обложить их пошлиной, а наоборот, купить их):

“Греческий таможенник спрашивает нашего туриста:

– Водка есть?

– Нет.

– Икра?

– Нет.

– Сигареты?

– Нет.

– Жаль, говорит таможенник, – а то бы я купил”.

(<http://www.puchkov.net/publications/person/humor.html>)

Разновидность того же приема представляет собой указание заведомо абсурдной Интенции пересечения границы:

“Внесу свои пять копеек в шутки при прохождении таможи. В нашей компании, что каждое лето отдыхает в Боровом, есть девушка. Девушка со славянской внешностью и правильными чертами лица. Так вот она каждый год мужчинам-таможенникам на вопрос "Причина въезда в страну?" – отвечает: "Улучшение генофонда страны". Реакция таможенников всех следующая – сначала они в ступоре (вспоминают наверно, что такое генофонд), а потом прям растекаются на стуле и улыбаются во весь рот со словами: "Проходите!" – и протягивают паспорт. Каждый год одна и та же реакция у разных людей. У нас компания просто ждет таможи, и гул затихает, когда эта девушка подает паспорт. Один раз правда была осечка, ступор не наступил у таможенника и он задал вопрос – "А ЗАЧЕМ?" Девушка не растерялась и ответила : "Да замуж я хочу, замуж". После этих слов реакция была как у всех”. (<http://borovoe.kz/forum/viewtopic.php?f=2&t=1589>)

Чрезвычайно важным актом “инграничного дискурса”, пусть и невербального характера, является процедура предъявления паспортов, “метонимически” репрезентирующих интернациональный статус государств, граждане которых вступают во взаимодействие.

Показательным примером такого дискурса может служить известное стихотворение В. Маяковского “Стихи о советском паспорте”, которое в свое время включалось в обязательную программу всех советских школ.

“... К одним паспортам – улыбка у рта. // К другим – // отношение плевое. // С почтением // берут, например, // паспорта // с двухспальным // английским левою. // Глазами // доброго дядю выев, // не переставая // кланяться, // берут, // как будто берут чаевые, // паспорт // американца. На польский – // глядят, // как в афишу коза. // На польский – // выпяливают глаза // в тугой // //полицейской слоновости – // откуда мол, // и что это за // географические новости? // И не повернув // головы качан // и чувств // никаких // не изведав, // берут, // не моргнув, // паспорта датчан // и разных // прочих // шведов”.

Таким образом, реакция пограничника на паспорта говорит о высоком (британский, североамериканский), низком (польский) и нейтральном (шведский, датский) интернациональном статусе соответствующих государств того времени (стихотворение было написано в 1928 г.).

Эффект, производимый предъявлением советского паспорта, свидетельствует о статусе изгоя, опасного соперника, которым обладала Советская Россия в Европе 1920-х годов, ср.:

“И вдруг, // как будто // ожогом // рот // скривило // господину. // Это // господин чиновник // берет // мою // краснокожую паспортину”.

“Постграничный дискурс” может быть подразделен на 2 подвида: а) беседу Трансгрессантов после пересечения границы и б) рефлексии Трансгрессанта по поводу этого события в путевых заметках, публицистических и научных

статьях, мемуарах и т.д.; достаточно часто также можно встретить их комбинации.

Темами подобного дискурса обычно являются сходства или различия в ландшафтах, архитектуре, в одежде и поведении местных жителей, соответствие увиденного ожиданиям, описание психологического состояния Трансгрессанта, попавшего в чуждую обстановку и т.д.

Характерным примером такого рода дискурса может послужить фрагмент из цикла путевых очерков “За рубежом” М. Е. Салтыкова-Щедрина (1880-1881), в котором описываются ощущения русских путешественников после пересечения ими тогдашней российско-германской (восточно-прусской) границы:

“Странное дело! покуда мы пробирались к Вержболову (немцы уж называют его Wirballen), никому из нас не приходило в голову выглядывать в окна и любопытствовать, какой из них открывается пейзаж. Как-то само собой предполагалось, что все известно и переизвестно. “Мокрое место, по которому растет ненастоящий лес” – вот картина, которую ожидал встретить взор и во избежание которой всякий старался убить время независимо от впечатлений родной природы. (...)

И вот едва мы разместились в новом вагоне (...), как тотчас же бросились к окнам и начали смотреть.

Природа, которая открывалась перед нами, мало чем отличалась от только что оставленной мною природы русско-чухонского поморья, в песках которого ютилось знакомое читателю Монрепо. Та же низменная равнина, те же рудо-желтые пески, вперемежку с торфяными низинками. Но ни кочкарника, ни мхов, ни лезущего отовсюду лозняка, ни еле дышащей, одиноко стоящей и во все стороны гнущейся березки – и в помине нет. И справа и слева тянутся засеянные поля, к которым гораздо более идет эпитет “необозримых”, нежели, например, к полям Тверской или Ярославской губерний и вообще средней полосы России. (...) В Чембаре так долго и легкомысленно рассчитывали на бесконечную способность почвы производить “буйные” хлеба, что и не видали, как поля выпахались и хлеба присмирели. Здесь же, очевидно, ни на какие великие и богатые милости не рассчитывали, а, напротив, и днем и ночью только одну думу думали: как бы среди песков да болот с голоду не подохнуть. В Чембаре говорили: а в случае ежели бог дожжичка не пошлет, так нам, братцы, и помирать не в диковину! а в Эйдткунене говорили: там как будет угодно насчет дожжичка распорядиться, а мы помирать не согласны!

Почему на берегах Вороны говорили одно, а на берегах Прегеля другое – это я решить не берусь, но положительно утверждаю, что никогда в чембарских палестинах я не видал таких “буйных” хлебов, какие мне удалось видеть нынешним летом между Вержболовом и Кенигсбергом, и в особенности дальше, к Эльбингу. Это было до такой степени неожиданно (мы все заранее зарядились мыслью, что у немца хоть шаром покати и что без нашего хлеба немец подохнет), что некто из ехавших рискнул даже заметить:

– Вот увидите, что скоро отсюда к нам хлеб возить станут!

На что другой ехавший патристически-задумчиво пробормотал:

– Ну, это уж, кажется, не тово... Этак, брат колбаса, ты, пожалуй, и вовсе нас в полон заберешь!

Но этого мало, что хлеба у немца на песках родятся буйные, у него и коровам не житье, а рай, благодаря изобилию лугов. (...)

Даже лес – и тот совсем не так безнадежно здесь смотрит, как привыкли думать мы, отапливающие кизяком и гречневой шелухой наши жилища на берегах Лопани и Ворсклы. С чего-то мы вообразили себе (должно быть, Печорские леса слишком часто нам во сне снятся), что как только переваляешь за Вержболово, так тотчас же представится глазам голое пространство, лишённое всякой лесной растительности. "Кабы не мы, немцу протопиться бы нечем" – эта фраза пользуется у нас почти такую же популярностью, как и та, которая удостоверяет, что без нашего хлеба немцу пришлось бы с голодудохнуть. В действительности же все горы Германии покрыты отличным лесом, да и в Балтийском поморье недостатка в нем нет" (Салтыков-Щедрин: 12-15).

Примечательным в этом отрывке является также разрушение национальных авто- и гетеростереотипов у русских путешественников, как и интуитивное нащупывание ими культурных архетипов, обусловивших столь значительные различия в окружающей действительности.

Более глубокую, по сути уже философскую, рефлексию по поводу факта пересечения границы можно проиллюстрировать следующими словами известного русского философа Н. А. Бердяева:

"На вокзале я бывал почти болен, равно как и на таможах, хотя на границах я никогда не имел неприятностей и у меня даже почти никогда не смотрели багажа. Но вместе с тем путешествие всегда обостряло мое чувство жизни, переезд за границу был по моему чувству как бы трансцендирование. Заграничное ведь и значит трансцендентное. Я не любил уезжать, но любил приезжать в новые места. Новое место давало мне чувство меньшей зависимости от обыденной действительности и открывало больший простор для мечты" (Бердяев 1991: 268).

Отдельную разновидность "пограничного дискурса" представляет собой дискурс художественный: в виду имеются песни ("Эй, вратарь, готовься к бою!" ..., "На границе тучи ходят хмуро..."), фильмы ("Джюльбарс", "Застава в горах", "Приказано взять живым", "Государственная граница", "Паспорт", "Окно в Париж"), а также многочисленные книги и рассказы (о последних тенденциях в дискурсе этого типа, см. например [Brednikova 2000, Бредникова 2002]), однако эта проблема заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В настоящем исследовании мы смогли затронуть лишь некоторые стороны "пограничного дискурса" – феномена, представляющего интерес для многих

научных дисциплин и, безусловно, заслуживающего дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредникова О. Граница и структурирование нового социального пространства (случай Нарвы-Ивангорода) / О. Бредникова, В. Воронков // Кочующие границы. – СПб. : Труды ЦНСИ, 1999. – Вып.7. – С. 19–25.
2. Бредникова О. Последний рубеж? / О. Бредникова. // Отечественные записки. – 2002. – № 6 (7). – С. 276–284.
3. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2010. – 422 с.
4. Brednikova O. Die letzte Feste. Über die Staatsgrenze in der sowjetischen und postsowjetischen Literatur / O. Brednikova // Berliner Debatte – Initial. – 2000. – № 5-6 (11). – S. 125–131.
5. Gestrich A., Einleitung / A. Gestrich, M. Krauss // Migration und Grenze. – Stuttgarter Beiträge zur Historischen Migrationsforschung. – Bd. 4. – Stuttgart : Steiner 1998. – S. 9-14.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
2. Маяковский В.В. Стихи о советском паспорте / В.В. Маяковский. // Сочинения в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1987. – С. 595-596.
3. Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом / М. Е. Салтыков-Щедрин. // Собр. соч. – Т. XIV. – М.: Худ. лит-ра, 1972. – С. 7-46.

Павел Николаевич Донец, доктор филол. наук, доц. кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина; e-mail: p_donec@list.ru

УДК: 81-11

**ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В КОНТЕКСТЕ
 ГУМАНИТАРНОГО И ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ**
Ж.Н. Маслова (Балашов, Россия)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
 Совета по грантам Президента Российской Федерации (МК-2384.2010.6),
 также научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП
 “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”
 на 2009-2013 годы, государственный контракт № 02.740.11.0596,
 проект “Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур”.*

Ж.Н. Маслова. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания. В данной статье поэзия рассматривается как форма когнитивной деятельности человека. Ментальную основу поэтического творчества составляет поэтическая картина мира. Правомерность такого подхода к исследованию поэтической картины мира обусловлена работами теоретиков постмодернизма, психологическими теориями личности, представлением о высших познавательных процессах, а также на работах лингвистов и литературоведов по исследованию индивидуально-авторской поэтики и отдельных литературных стилей.

Ключевые слова: поэтическая картина мира, субъективность, постмодернизм, мышление, воображение, концепт.

Ж.М. Маслова. Поетична картина світу в контексті гуманітарного та філологічного знання. У статті поезія розглядається як форма когнітивної діяльності людини. Ментальну основу поетичної творчості складає політична картина світу. Такий підхід до вивчення поетичної картини світу ґрунтується на роботах теоретиків постмодернізму, психологічних теоріях особистості, уявленнях про вищі пізнавальні процеси, а також роботах лінгвістів і літературознавців з вивчення індивідуально-авторської поезики й окремих літературних стилів.

Ключові слова: поетична картина світу, суб'єктивність, постмодернізм, мислення, уява, концепт.

Zh.N. Maslova. The poetic picture of the world in the context of humanities and philological studies. In the article poetry is considered as a form of human cognitive activity. We focus on the fact that the poetic picture of the world is the mental basis of poetry. The justification of this point of view is supported by the works of postmodern theorists, the psychological theories of personality and higher cognitive processes, as well as

the linguistic and philological works dedicated to the author's individual poetic world and individual poetic style research.

Key words: poetic picture of the world, postmodernism, thinking, imagination, concept.

Анализ существующих исследований [Кузьмина 2000; Купчик 2006; Голованова 2007] показал, что вопрос о художественной картине мира неизбежно возникает при обращении к поэтическому тексту в лингвокогнитивном аспекте, но до сих пор не существует обобщающего и детального исследования природы этой картины мира и ее сущностных характеристик. На наш взгляд, такая работа осуществима с помощью привлечения методологического аппарата когнитивной науки. Исследование поэтической картины мира, изучение поэтического текста как объекта когнитивного исследования – еще одна возможность доступа к концептосфере человека, возможность проследить существование и трансформацию базовых культурных моделей, которые действуют в пределах данного лингвокультурного сообщества. Изучение механизмов формирования смысла в поэтическом тексте дает возможность выявить изменение в наборе когнитивных механизмов поколений поэтов, трансформации общественного сознания. Исходя из этого, **объектом** данного исследования определена ментальная и концептуальная основа художественного (поэтического) текста и художественного творчества, **предметом** исследования – теории и подходы к ментальным основам художественного творчества, сформированные в контексте гуманитарного, психологического, филологического знания. **Целью** статьи является анализ существующих научных концепций и доказательство правомерности и логической обоснованности рассмотрения поэтической картины мира как концептуальной основы художественного (поэтического) творчества. Отсутствие подобных системных исследований обусловило **актуальность** данной публикации. Исследовательским материалом послужили работы отечественных и зарубежных ученых по филологическим и гуманитарным наукам.

Если рассматривать поэтическое творчество как одну из форм когнитивной деятельности человека, связанную с языком, то из области литературоведения и лингвистики исследование поэтического текста переходит в область *когнитивной поэтики*, где возможно описание процесса порождения индивидуально-авторских смыслов. В контексте исследования *поэтика* будет пониматься как *совокупность фонетических, ритмико-интонационных, образных, композиционных, жанровых черт стиха*. Применительно к изучению поэтического текста в когнитивном аспекте мы предлагаем выделять *поэтическую картину мира* в рамках *художественной картины мира*. Правомерность такого вычленения подтверждается многими основаниями. Одно из них – субъективность, которую демонстрирует поэтический текст. Среди внешних оснований следует отметить лингвоцентричные концепции

теоретиков постмодернизма, где рассматриваются иррациональные способы познания, и современные исследования в области психологии, подтверждающие расщепленность субъекта и важность образного познания мира.

1. Субъективность поэтической картины мира

Правомерность вычленения поэтической картины мира обусловлена особенностями поэтического творчества. Человек может переживать только свое субъективное отражение реального мира. По сути, каждый живет в мире собственных представлений. Различные события и факты, весь человеческий опыт для индивидуума существуют только в его сознании, хотя в результате схожести опыта, как правило, возникают схожие представления о мире. Следовательно, в поэтическом языке моделируется не объективная действительность, универсум, а представления человека о мире. Человек в процессе взаимодействия с реальностью получает эмоционально-чувственный опыт, который для него не менее важен, чем сама реальность. *Поэзия – это не столько рефлексия на мир, сколько рефлексия на эмоциональный опыт, связанный с существованием в этом мире, а также результат самой рефлексии, зафиксированный в языке поэтического текста.* Уникальность поэтического языка свидетельствует о существовании особых ментальных структур, позволяющих человеку продуцировать художественные образы, особого концептуального содержания, межконцептуальных связей и механизмов формирования художественного смысла.

2. Поэтическая картина мира

в контексте современного гуманитарного знания

Философское осмысление картины мира и важность этого понятия в современном гуманитарном знании вписаны в контекст *теории постмодернизма*. Данная теория представляет собой влиятельный постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс, имеющий ключевое значение для культурной жизни второй половины XX века, когда сложилось осознание того, что человек живет в организованном пространстве и времени, но в нелогичном мире. Предпосылкой для выделения художественной и поэтической картин мира как иного способа отражения мира оказывается исследование в рамках идеологии постмодернизма феномена *поэтического мышления* [Скоропанова 1999: 16]. Ощущение мира как хаоса, отсутствия определенных критериев ценности и смысловой ориентации мира привели к осмыслению *постмодернистской чувствительности* – специфической формы мироощущения и теоретической рефлексии – использования художественных методов в сфере гуманитарного научного знания. В эпоху постмодернизма осуществилась попытка легализации иррациональных, “художественных” способов познания и философствования. В связи с этим природа поэтического языка стала предметом интереса теоретиков

постмодернистской философии, в рамках которой было развито понимание текста и языка с учетом субъективности и ментальных структур: теория текста Р. Барта, теория деконструкции Ж. Деррида, лингвистический анализ бессознательного в структуре субъективности Ж. Лакана, теория поэтического языка Ю. Кристевой. В этих работах акцент с анализа текста как выражения целостного мировосприятия автора смещается на субъективность авторского сознания и множественность вариантов прочтения. Автор становится не целостной индивидуальностью, а “расщепленным” субъектом.

Теоретик постмодернизма Ж. Лакан утверждал, что лингвистический анализ языка может адекватно раскрыть структуру бессознательных процессов, и бессознательное структурировано подобно языку. Особые бессознательные речевые элементы, не осознаваемые человеком, играют важную роль в развертывании и протекании психических процессов. В рассуждениях Ж. Лакана также прослеживается мысль о том, что язык способен хранить и передавать опыт. Причем, это опыт индивидуальный и коллективный, опыт деятельности структур сознания и бессознательных структур. Сами же по себе языковые выражения не имеют значения, их содержание определяется только содержанием концептуальной системы [Лакан 1995]. Другой исследователь – Ю. Кристева понимает субъективность как структуру “говорящего субъекта”, различая уровни семиотического и символического, которые образуют процесс означивания. Уровень семиотического – доэдипальная, “материнская” стадия становления субъективности. Выделяя себя из семиотического континуума, субъект вступает на символический уровень производства языка, продолжая испытывать влияние ритмических пульсаций материнской стадии в виде языковых бессмысленностей, тавтологий, разрывов, молчаний [Kristeva 1984]. Ю. Кристева связывает фонические эксперименты авангардной поэзии, в частности, поэзию В. Хлебникова, с инстинктивными, “материнскими”, бессознательными, сексуальными доминантами в структуре субъективности.

В упомянутых работах обращает на себя внимание важное указание на двойственность сознательного и бессознательного, обыденного и “материнского” поэтического языка. Если языковая картина мира вторична по отношению к концептуальной картине мира, то получается, что концептуальная картина мира репрезентируется в двух вариантах языка. Логично предположить, что пласт концептуальной картины мира формируется, прежде всего, в процессе сознательной деятельности (деятельности сознания), где закреплены логические взаимосвязи окружающего мира, осознанное знание, целостное восприятие субъекта. Общеизвестным является тот факт, что наряду с языковым существует неязыковое мышление, а также и то, что языковое существование связано не только с мышлением, но и с чувственно-волевой сферой и подсознанием. Деятельность бессознательного, интуиции также должна быть зафиксирована в системе концептуальных смыслов, которые, на наш взгляд, образуют поэтическую картину мира и репрезентируются, в частности, в языке поэтического текста.

3. Поэтическая картина мира в контексте психологических теорий

Если рассматривать понятие картины мира с точки зрения психологии, то оно оказывается напрямую связанным с процессом отражения и фиксацией результатов этого процесса человеческим мозгом. Сама возможность поэтического творчества обусловлена наличием мыслительных структур, она не существует сама по себе и тесно связана с биологической природой человека. Человек отражает мир благодаря двум высшим познавательным процессам – *мышлению* и *воображению*. Специфика отражения концептуальных структур в языке поэтического текста не может рассматриваться без учета особенностей данных высших познавательных процессов. Концептуальная картина мира складывается как в процессе чувственного познания, так и в процессе мыслительных операций. В процессе мышления объект включается во все новые связи, выступая в новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях. С данным познавательным процессом тесно связано научное восприятие действительности, которое основывается на отвлеченном мышлении – мышлении в форме абстрактных понятий.

При исследовании художественного языка и художественного текста (тем более поэтического) мы принимаем как данность, что художественный (поэтический) язык отличается от обыденного языка. Одно из главных различий, на которое следует обратить внимание, в том, что обыденный язык обусловлен аристотелевой логикой исключенного третьего. В художественное мышление данная логика входит лишь как частный случай логики повседневного опыта. *Поэтическая* или *художественная логика* – это логика “воображаемая”, логика n-измерений, для которой антиномичное мышление естественно. Соответственно, языковое своеобразие поэтического языка обусловлено особенностями ментальных процессов. Поэзия является особым видом познания, в котором проявляется многомерный, спонтанно-нелинейный способ мышления, способность ускользать от окончательных однозначных ответов. В то время как научное знание характеризует понятийную сторону мышления, поэтическое знание дает *образное понимание мира*.

Ментальная основа поэтического творчества обеспечивается, прежде всего, работой воображения – одного из двух ведущих познавательных процессов. Воображение работает на том этапе познания, когда неопределенность ситуации велика и исходные данные с трудом поддаются точному анализу, что обуславливает вариативность творческих решений. Поэтический текст на уровне языка репрезентирует мышление образами, которое онто- и филогенетически старше, чем мышление словами. То, что ведущим когнитивным процессом в создании поэтического текста является воображение, а значит подходить к его интерпретации и исследованию нужно с соответствующими логическими предпосылками, ясно демонстрируется самой структурой текста. В цепи поэтических образов

ситуация лишь намечена, что дает возможность вариативных интерпретаций; целостное впечатление воссоздается на основе ряда фрагментов разной степени определенности. Нужно заметить, что степень логичности связей в поэтическом тексте может быть различной, в ряде случаев, достаточно высокой: *“I’m going out to clean the pasture spring; / I’ll only stop to rake the leaves away / (And wait to watch the water clear, I may): / I shan’t be gone long - You come too”* (R. Frost). Однако данный факт принципиально не меняет природы поэтического текста.

Воображение – одно из важнейших условий как усвоения общественного опыта, так и познания собственного “Я”. На наш взгляд, поэтический язык является одним из средств доступа к познанию своей субъективности, возможностью хотя бы частично материализовать поток эмоций, впечатлений, переживаний. “Я” – один из центральных концептов поэтической картины мира, обладающий способностью структурировать относительно себя ментальное пространство. Особенность самопознания в том, что “Я” само себя не видит и познание “Я” осуществляется только через отражение, проекции, “Я” конструирует себя из деталей мира. Описывая себя теми или иными словами, человек неизбежно вписывает себя в некую иерархию, в уже существующие отношения, потому что “слово – собственно говоря – остаток воспоминания о слышанном слове” [Райгородский 1996: 113].

Согласно Ж.-П. Сартру (Sartre J.-P.), человек всегда есть то, что он выбирает. Только наличие других сознаний в этом мире проясняет и стимулирует наше собственное сознание: только через “других” мы конституируем свое собственное “Я”. Другое сознание представляет для “Я” такую перспективу в мире, которую “Я” может только чувствовать, но не понимать [Sartre 1992]. Образ “Я” – динамическое образование личности индивида, он может переживаться как представление о себе в момент самого реального переживания, это относительно устойчивое, в большей или меньшей степени осознанное, переживаемое как неповторимая система представление индивида о самом себе, на основе которой субъект строит свое взаимодействие с другими субъектами. В самом себе индивид своими действиями и поступками представлен как в другом, поэтому “Я” становится одним из основных концептов поэзии, образующих структуру текста. Соответственно, фигура лирического героя – одна из возможностей репрезентации “Я” в поэтическом тексте. В постмодернистском контексте художественный и поэтический язык становится еще и репрезентацией травмированной расщепленной творческой личности.

Научные модели концепций личности, созданные в рамках западной теории личности в XX в. соотносятся с подходом теоретиков постмодернизма. Данные модели демонстрируют разделение психики на “Я” и “ОНО” (З. Фрейд), “Персону” и “Тень” (К. Юнг), а также признание важности бессознательных структур, которые в исследованиях художественного творчества, особенно в лингвистических исследованиях, долгое время занимали

маргинальное положение. Из этого следует, что если субъект расщеплен, значит и концептуальная картина мира не может быть едина, должны существовать ментальные концептуальные структуры, где бессознательные ментальные структуры (“ОНО” или “Тень”) реализуются, а также языковые структуры, через которые они репрезентируются. С этой точки зрения, язык является, прежде всего, выражением борьбы между сознательным и бессознательным – одного из основных конфликтов субъекта.

Воображение делится на воссоздающее и творческое, именно последнее имеет дело с самостоятельным созданием новых образов. Творческое воображение – ведущий познавательный процесс, определяющий творческую деятельность. Поэзия за счет использования синтетических суждений возвращается к целостности конкретного чувственного представления.

Основным компонентом поэтического текста являются образы, объединенные сложными последовательными и параллельными связями в единую систему. Данные образы создают в процессе восприятия текста единый сложный *концепт-впечатление*, который является гештальтом по структуре. Так поэтический текст достигает своей цели: в поэтическом тексте созданный средствами языка образ становится знаком или символом неопределенного ряда подобных положений и связанных с ним чувств.

При обращении к ментальным основам поэтического творчества становится очевидным, что процесс формирования поэтических образов такой же, как и общий процесс порождения образов. Поэтическое творчество находится под влиянием двух тенденций. *Тенденция памяти* – возобновление образов в максимальном приближении к эталону. *Тенденция воображения* – преобразование образов, обеспечивающее создание заведомо новой модели ситуации, ранее не возникавшей. Сущность воображения составляют процессы преобразования, создания новых образов на основе имеющихся, конструирования неожиданных, непривычных сочетаний и связей. Однако если образ кажется новым и необычным, то элементы его составляющие, оказываются результатом непреднамеренного или преднамеренного анализа множества фактов, содержащихся в личном или косвенном опыте человека, а также результатом усвоения художественного (поэтического) дискурса. В процессе творческого воображения задействованы общие механизмы, образующие несколько этапов создания образа:

1. Внешние и внутренние восприятия составляют основу опыта. Всякое впечатление – сложное целое, состоящее из множества частей, в процессе диссоциации это сложное целое рассекается на составные части. Отдельные части выделяются относительно других и сохраняются, другие забываются.

2. Следующим этапом является ассоциация, т.е. объединение диссоциированных и измененных элементов в новое целое.

3. Механизмы воображения имеют аналитико-синтетический характер. В восприятии и памяти с помощью анализа выделяются существенные черты

объекта, и аналитический процесс завершается созданием эталона. Оpozнание объектов, которые не выходят за пределы меры сходства, осуществляется преимущественно на основе прототипического сходства.

4. Заключительным моментом является комбинация отдельных образов, приведение их в систему, построение сложного целого – в нашем случае, поэтического текста.

Течение творческого процесса предполагает возникновение множества ассоциаций, при этом механизмы образования ассоциаций не отличаются бесконечным разнообразием: их образование возможно только по сходству, смежности или контрасту. Творчество лишь отличается необычным ходом ассоциаций, подчиненных эмоциям, мыслям, стремлениям художника. Синтез представлений осуществляется в нескольких формах, и, несмотря на разнообразие образов, в работе воображения предусмотрены лишь три схемы:

а. агглютинация – “склеивание” не соединенных в повседневной жизни частей: *“I shall wear white flannel trousers, and walk along the beach. / I have heard the mermaids singing, each to each”* (T.S.Eliot), *“And he died fairly young – because his animal part / turned out to be less durable than his humanity”* (about centaur) (J. Brodsky);

б. схематизация – заострение некоторых признаков. *“A million eyes, a million boots in line, / Without expression, waiting for a sign”* (W. H. Auden);

с. типизация – выделение существенного, повторяемого, воплощение этого в конкретном образе. *“The Ogre does what ogres can, / Deeds quite impossible for Man, / But one prize is beyond his reach, / The Ogre cannot master Speech”* (W. H. Auden).

Агглютинация, схематизация, типизация – механизмы, действующие на ментальном уровне, они могут быть применимы не только к языковому материалу. Результат работы данных механизмов репрезентирован в языке поэтического текста в виде *метафор, метонимий, символов* и других образных средств.

Метафора, метонимия и символ рассматриваются на языковом (текстовом) уровне как средства художественной выразительности, а в рамках когнитивного подхода на ментально-языковом уровне – как механизмы формирования смысла и одновременно результат работы данных механизмов.

В исследовании Дж. Лакоффа сложные идеи соотносятся с комплексными концептами – результатами человеческой способности формировать когнитивные модели на основе концептов базового уровня. К основным когнитивным моделям Дж. Лакофф относит пропозициональные (не использующие образные механизмы), метафорические, метонимические и символические (языковые) [Лакофф 2004].

Если сопоставить структуру языкового образа и механизмы работы воображения, то устанавливается ряд взаимосвязей: метафорический перенос

возможен благодаря агглютинации, процесс схематизации лежит в основе метонимии, типизация и закрепление существенного признака за конкретным образом находят отражение в символе. Следовательно, в основе механизмов, создающих структуру образа, находятся общие механизмы воображения. Однако не следует говорить о строгой линейности подобных связей. Метафора и метонимия, по сути своей, представляют собой не только механизмы и результаты переноса, но и разные виды связей между объектами. Метафорический перенос происходит на основе подобия, похожести; метонимия подразумевает различные виды связей, кроме подобия. Другие образные средства, например, сравнение, являются зачастую гибридными формами, построенными по принципу метафорического, либо метонимического переноса. Следовательно, символ как статический знак может возникать на основе метонимических и метафорических связей, а метафора и метонимия, в этом случае, будут представлять собой основные механизмы символизации.

Зачастую образ создается в результате взаимодействия нескольких механизмов как особым образом конфигурированное содержание. Например, генитивная метафора содержит в своей структуре метонимический компонент: *“I see advancing armies of the end”, “Rain in autumn / Tears of the past”, “the corridors of life”* (N. Burke). Исходная предметность метафорического компонента (armies, tears, corridors) как бы пронизывает неметафорический компонент (end, past, life) и смысл рождается при их взаимопроникновении. В данных образах прослеживается действие механизмов как схематизации, так и агглютинации.

Необходимо отметить, что механизмы воображения, с помощью которых осуществляется синтез представлений и создание поэтических образов, универсальны. Процессы метафорического и метонимического переноса также не зависят от конкретного языка. Однако результаты когнитивных операций могут закрепляться в особых, национально специфичных языковых формах. Например, в русской поэзии как разновидность метафоры, закрепленной в конструкции с творительным падежом, выделяется метаморфоза: *“Золотую лягушкой луна / Распласталась на тихой воде”* (С. Есенин).

Одновременно воображение становится средством расширения опыта человека. Творческая деятельность воображения напрямую связана с богатством и разнообразием прежнего опыта. Однако в поэтическом дискурсе особенно актуальным становится овладение традицией, художественными языковыми формами выражения концептуального содержания. С помощью воображения усваивается косвенный языковой опыт, и из этого опыта создаются новые комбинации. Материал, собранный и обобщенный Н.В. Павлович [Павлович 1999], наглядно демонстрирует, что развитие образов укладывается в рамки вполне прозрачных парадигм, и создаваемые образы зачастую являются лишь модификацией и развитием закрепленных в поэтическом дискурсе когнитивных моделей. Например,

метафорическая модель *глаза – телесная конечность* реализуется в ряде образов: “*Весь трепещу глазами трогать / Неосторожными тебя*” (И. Северянин), “*Глазами добрыми и верными / руки моей не задевай*” (Б. Ахмадулина). Метонимический перенос *глаза – взгляд* дает возможность возникновения новых вариантов реализации той же модели: “*Взгляд оставляет на вещи след*” (И. Бродский). Эта модель не является национально-уникальной и существует также в англоязычном сознании: “*Where everything can be touched or reached by walking, / their eyes have never looked into infinite space*” (W.H. Auden). Глагол *touched* использован в значении досягаемости взглядом. Дж. Лакофф также рассматривает ряд метафор, построенных на модели *eyes are limbs (глаза – конечности тела)* в английском языке [Лакофф 2004: 85]. Различия между поэзией национальных литератур больше обусловлены эмоциональным фоном и уникальным подбором образов на основании схожего эмоционального впечатления, хотя образы, взятые по отдельности, зачастую демонстрируют отнесенность к общераспространенным когнитивным моделям.

Между деятельностью воображения и реальностью существует эмоциональная связь. Всякое чувство и эмоция стремятся воплотиться в известный, соответствующий этому чувству образ. Эмоция обладает способностью подбирать впечатления, мысли, образы, созвучные тому настроению, которое владеет нами в данную минуту. Между эмоцией и воображением существует и обратная связь – построения фантазии влияют на чувства. Если образы фантазии нереальны, то вызываемое ими чувство является действительным и реально переживаемым. Построение фантазии может представлять собой нечто существенно новое, не бывшее в опыте человека и не соответствующее какому-нибудь реально существующему предмету, но будучи воплощено вовне и материализовавшись, это “кристаллизованное” воображение начинает реально существовать в мире и воздействовать на другие вещи.

С когнитивной точки зрения, поэзию следует рассматривать и как производное индивидуального сознания, и как отражение общекультурного уровня развития, так как поэт является представителем социума и этноса. Кроме того, искусство поэзии согласуется со способностью достраивать образ по отрывочным элементам – фундаментальной способностью восприятия человека.

Обзор психологических теорий показал, что концептуальная картина мира формируется при участии как мышления, так и воображения. Каждый из данных высших познавательных процессов по-своему репрезентируется в языке. На наш взгляд, именно этим обусловлены принципиальные различия, существующие между обыденным и художественным языком. И если в лингвистических исследованиях приоритет отдается мышлению, то в изучении художественного и поэтического языка главным познавательным процессом следует определять воображение. В данном случае, воображение выполняет важную функцию, т.е. обеспечивает доступ к познанию своего “Я” – одного из

центральных концептов поэтической картины мира. Доказательством справедливости данных утверждений является то, что структура языкового образа имеет ряд взаимосвязей с механизмами работы воображения. Другое подтверждение находится в области филологических исследований, где рассматриваются рациональный и поэтический языковые миры и где термин *поэтическая картина мира* фактически вошел в научный обиход.

5. Поэтическая картина мира в контексте филологических исследований

Автор “Словаря поэтических образов” Н.В. Павлович, не прибегая к понятийному аппарату когнитивной лингвистики или психологии, также говорит о двух языковых мирах – *рациональном* и *поэтическом*, разделяя их по принципу рациональности [Павлович 1999]. Столь глубокое осознаваемое различие в языковой репрезентации должно иметь соответствующую ментальную основу, поэтому правомерно говорить о выделении поэтической картины мира в отдельный объект исследования.

Еще одним аргументом в пользу необходимости изучения именно поэтической картины мира является тот факт, что данное понятие уже получило широкое распространение в работах литературоведческого направления. В настоящее время термин *поэтическая картина мира* все чаще встречается при изучении различных аспектов индивидуально-авторской поэтики, либо отдельных литературных стилей. Попытки рассмотрения поэтической картины мира в рамках художественной предпринимались и ранее при обращении к творчеству отдельных поэтов и к поэтическим традициям отдельных национальных литератур [Бусыгина 2003; Померанц 2004; Дудченко 2007; Ильина 2007; Хамитова 2008; Дюпина 2009; Тарасова 2003 и др]. Например, Ю.В. Дюпина предлагает модель лексико-семантического макрополя как языковое семантическое пространство, репрезентирующее картину мира поэта [Дюпина 2009: 5]. Л.Г. Панова исследует пространство и время в идиолекте О. Мандельштама “в рамках поэтической картины мира”, ее исследование заявлено как этап в “создании поэтической картины мира Мандельштама” [Панова 1998: 3]. Под картиной мира она понимает иерархически упорядоченный набор категорий, которые необходимы поэту для мышления о мире, изображения мира. Поэтическую картину мира выделяет Н.А. Кузьмина, для которой она выступает как альтернатива миру действительному, это образ мира, смоделированный художником, как результат его духовной активности [Кузьмина 2000]. Тезис спорный, так как объективированный от создателя текст является все же художественной или поэтической моделью мира. Картина мира существует в сознании человека, язык лишь частично объективирует ее.

Н.С. Болотнова под поэтической картиной мира понимает “созданный творческим воображением автора художественный мир, воплощенный в образной форме, в соответствии с определенными интенциями, являющийся объектом познавательной активности читателя” [Болонтова 2004: 20]. Среди отличительных черт поэтической картины мира она выделяет антропоцентризм, субъективный творческий характер эстетического миромоделирования, вторичное отражение знаний о мире в художественных образах в процессе *языкомыслительной* деятельности автора, целостность, системность, опосредованную связь с реальной действительностью, изменчивость [Болонтова 2004: 21]. Определение Н.С. Болотновой носит гибридный лингвистико-литературоведческий характер и не проясняет различия между художественной и поэтической картинами мира.

Следует заметить, что данные авторы не проводят различия между *когнитивными механизмами сознания*, с помощью которых интерпретируются явления действительности, и *языковыми механизмами*, позволяющими выразить этот опыт. В данном случае поэтическая картина мира выглядит как иерархия концептов, представленных в произведениях отдельного автора. На наш взгляд, важной составляющей поэтической картины мира являются особые *стратегии сознания*, с помощью которых поэт осмысливает индивидуальный опыт. Эти стратегии находят отражение в определенных *языковых стратегиях*, за счет которых создается структурное и семантическое своеобразие текста, уникальный стиль поэта. Однако проблема выделения типологических черт данного явления и целостной реконструкции традиционной поэтической картины мира на основании текстов, возникших в рамках определенных национальных поэтических канонов, еще не решена.

Не совсем определенным оказывается и статус индивидуальной картины мира автора. Поэтическую картину мира отдельного автора следует выделять только в том случае, если допускать, что для автора особо выделен круг явлений, которые могут быть изображены в произведении, и арсенал языковых средств, отобранный автором по эстетическим критериям. Тогда в рамках поэтической картины мира правомерно выделить *индивидуально-авторскую картину мира*, которая имеет субъективный творческий характер, но остается частью общеязыковой, так как творческое сознание является частью общечеловеческого и общенародного сознания. По словам Д.М. Поцепни, индивидуально-авторская картина мира разворачивается в художественном произведении и является отражением эстетической функции языка [Поцепня 1995]. Многие исследователи, отталкиваясь от индивидуально-авторской картины мира как от центрального понятия, занимаются изучением *идиостиля* отдельных авторов [Бутакова 2000]. Противоположная тенденция представляет собой изучение общих закономерностей в языке текста, средств, которые на уровне поэтического языка становятся знаком эпохи и уровня развития сознания [Болотнова 1992]. Безусловно, любой поэтический текст обладает уникальными субъективными чертами, потому что автор создает

альтернативную реальность, альтернативный поэтический мир, но существуют некие закономерности и ограничения, которые определяются действием общих когнитивных механизмов и принципов познания, актуальных как, в целом, для творческого сознания, так и для определенной эпохи.

Следует отметить, что поэтический мир не является в строгом смысле моделью реального мира. В исследованиях лингвокогнитивного направления уже существуют указания на особую ментальную основу художественного текста. В работах Л.О. Чернейко сформулировано понятие автореферентности художественного текста и утверждается, что художественный текст если и является моделью действительности, то моделью не бытия, а сознания, определенным образом преломляющего бытие, мир художественного произведения формирует действительность идеальную [Чернейко 1999]. Она же говорит, что “задача исследователя художественного текста состоит в том, чтобы смоделировать и *картину мира того или иного художника*, и систему его ценностей, и ту иллюзорную “внеязыковую” действительность, которая вырастает из самого текста” [Чернейко 1999: 444]. Речь, по сути, идет о художественном творчестве как рефлексии своего “Я”. Однако при всем разнообразии, картины мира художников, о которых говорит Л.О. Чернейко, имеют общие черты и при репрезентации этой картины мира в тексте используются общие или похожие средства выражения.

Из всего сказанного следует вывод о том, что концептуальная картина мира отражает как деятельность сознания человека, так и деятельность бессознательного. Поэтический язык противопоставлен обычному языку не по сфере употребления (поэтический текст), а по степени выраженности бессознательного. Поэтическая картина мира как континуальная система смыслов структурирует, прежде всего, языковую репрезентацию творческих и бессознательных процессов. На наш взгляд, *поэтическая картина мира* должна быть выделена в рамках художественной картины мира, и ее следует определить как *континуальную систему смыслов, эстетически воспринятых и структурирующих творческую деятельность индивида по созданию и интерпретации альтернативной поэтической реальности, характеризующуюся субъективностью, эмоциональной доминантой, я-центричностью, фрагментарностью.*

Поэтическая картина мира кроме языка объективируется в музыке, живописи и других формах искусства, но для когнитивной лингвистики важна именно ее языковая репрезентация. Понятия *поэтическая картина мира* и *поэтический язык* выбраны также с целью подчеркнуть связь с бессознательными глубинными структурами личности, с “материнским языком” [Kristeva 1984]. Поэтическая картина мира содержит также средства и способы ориентации “Я” относительно мира, способы ориентации в эмоциональных реакциях и переживаниях. В поэтическом языке находит отражение деятельность бессознательного, субъективность, допущение нелогичности, парадоксальности истины, познание собственного “Я” и

восприятие окружающего мира, основанное, прежде всего, на работе воображения. Поэтическая картина мира опирается на деятельность воображения и структурируется, во многом, на эмоциональной основе.

Следует также проводить разделение между *когнитивными механизмами сознания*, с помощью которых интерпретируются явления действительности и *языковыми механизмами*, позволяющими выразить этот опыт с разной степенью адекватности. Поэтическое творчество и поэтический язык подчинены нелинейной логике, поэтому ментальные стратегии и механизмы находят отражение в определенных языковых стратегиях, за счет которых создается своеобразие текста, стиль поэта. Это должно учитываться в комплексе исследовательских приемов при работе с поэтическим текстом.

В литературоведении не вызывает споров вопрос о разделении языковых миров на рациональный и поэтический. Как следствие, термин *поэтическая картина мира* активно используется в работах по авторской поэтике для обозначения ментальной основы поэтического творчества. Однако само наполнение термина является дискуссионным. Кроме того, в ряде случаев трактовка термина *поэтическая картина мира* является упрощенной. Чтобы исследования поэтической картины мира не сводились к простому построению иерархии авторских концептов, необходимо разграничивать *поэтическую картину мира* и *поэтическую модель мира*. Картина мира носит глобальный характер и репрезентируется через различные художественные практики. Поэтому попытки изучения поэтической картины мира неизбежно включают этап моделирования – построение *поэтической модели мира*, представленной в творчестве конкретного автора или группы авторов. **Перспективы анализа** художественного и поэтического текста в лингвокогнитивном аспекте предполагают развитие взгляда на текст как на результат когнитивной деятельности человека. Кроме того, они предполагают моделирование процесса формирования художественных и поэтических смыслов, а также процесса трансформации лингвистического дискурса в художественно-эстетический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнова Н.С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира автора / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ, Вып. 1 (38) Серия Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – С. 20–25.
2. Болотнова Н.С. К вопросу о декодировании поэтического текста / Н.С. Болотнова // Вопросы стилистики. Вып. 24. Текст и его компоненты. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. – С. 38–47.
3. Бусыгина Л.В. поэтическая картина мира в лирике Кузубая Герда : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Л.В. Бусыгина. – Саранск, 2003. – 23 с
4. Бутакова Л.О. Человек-мир-речь. Индивидуально-авторская картина мира в творчестве поэта Т. Белозерова / Л.О. Бутакова // Язык. Человек. Картина

- мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). В 2 ч. Ч. 1. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 94–118.
5. Голованова И.С. Художественный концепт “вино” в русской поэзии XVIII века (30-90-е гг. XVIII в): автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / И.С. Голованова. – Самара, 2007. – 18 с.
 6. Дудченко О.В. Реконструкция концептосферы “красота” в англосаксонской поэтической картине мира: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / О.В. Дудченко. – Владивосток, 2007. – 24 с.
 7. Дюпина Ю.В. Цветообозначение в репрезентации поэтической картины мира Владимира Высоцкого: структура, семантика, функции: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Ю.В. Дюпина. – Тюмень, 2009. – 24 с.
 8. Ильина Н.В. Онтологические категории времени и пространства в поэтической картине мира бесерменского поэта М. Федотова / Н.В. Ильина // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 5-1. – С. 123–132.
 9. Кузьмина Н.А. К основаниям реконструкции индивидуальной поэтической картины мира (на материале творчества Ю. Левитанского) / Н.А. Кузьмина // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Ч. 1. – Омск : Омск. гос. ун-т, 2000. – С. 119–131.
 10. Купчик Е.В. Поэтический мир А. Городницкого: Образная интерпретация концептосферы: автореф. дис. на соискание учен. степ. докт. филол. наук / Е.В. Купчик. – Тюмень, 2006. – 36 с.
 11. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. – М. : Гнозис, 1995. – 192 с.
 12. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
 13. Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–117.
 14. Панова Л.Г. Пространство и время в поэтическом языке О. Мандельштама: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Л.Г. Панова. – М., 1998. – 27 с.
 15. Померанц И.Б. Развитие эпитета как отражение изменений картины мира: на материале испанских поэтических текстов XII–XIV веков: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / И.Б. Померанц. – СПб., 2004. – 20 с.
 16. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература / И.С. Скоропанова. – М. : Флинта : Наука, 1999. – 608 с.
 17. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И.А. Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 280 с.
 18. Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Хрестоматия по психологии личности / Редактор-составитель Д.Я. Райгородский. – Самара : Изд. дом “БАХРАХ”, 1999. – 608 с.

19. Хамитова Э.Р. Концептуальная метафора “природа-человек” в русской поэтической картине мира XIX-XX веков: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Э.Р. Хамитова. – Уфа, 2008. – 24 с.
20. Чернейко Л.О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / Л.О. Чернейко // Структура и семантика художественного текста. – М. : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 438–460.
21. Kristeva J. Revolution in poetic language / J. Kristeva. – New York : Columbia University Press, 1984. – 256 p.
22. Sartre J.-P. The Body-for-Others / J.-P. Sartre // Being or Nothingless. – N.Y. : Washington Square Press, 1992. – P. 445–459.

Жанна Николаевна Маслова, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Балашовского института (филиал) Саратовского государственного университета; e-mail: maslovajeanna@mail.ru

УДК 81'25: 316.7

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**
С.А. Моисеева (Белгород, Россия), Е.А. Огнева (Белгород, Россия)

С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. Лингвокультурологические исследования как фактор межкультурной коммуникации. В статье исследуется влияние перевода художественных текстов на процесс межкультурной коммуникации. Рассматривается роль языковой личности переводчика в процессе перекодировки произведений. Выявляются причины частичной адаптации культурно-маркированных единиц текста к восприятию инокультурным читателем.

Ключевые слова: Межкультурная коммуникация, перевод художественных текстов, культурно-маркированные единицы текста

С.А. Моїсєєва, О.О. Огнєва. Лінгвокультурологічні дослідження як фактор міжкультурної комунікації. У статті досліджується вплив перекладу художніх текстів на процес міжкультурної комунікації. Розглядається роль мовної особистості перекладача в процесі перекодування творів. Виявляються причини часткової адаптації культурно маркованих одиниць тексту до сприйняття читачем, що належить до іншої культури.

Ключові слова: міжкультурна комунікація, переклад художніх текстів, культурно марковані одиниці тексту.

S.A. Moiseeva, H.A. Ogneva. Linguocultural studies as intercultural communication factor. In the article the influence of translation of belles-lettres fiction on the process of intercultural communication is considered. The role of the language personality of the translator in the process of overcoding the work of literature is determined. The reasons of partial adaptation of culturally marked text units to the perception of a foreign culture reader are defined.

Key words: intercultural communication, translation of belles-lettres fiction, culturally marked text units.

Лингвокультурология как продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике представляет собой комплексную научную дисциплину синтезирующего типа. Она изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражает этот процесс в единстве языкового и внеязыкового (культурного) содержания, исследование которого осуществляется при помощи системных методов. Термин “лингвокультурология” появился в языкознании в связи с работами

Ю.С. Степанова [1997], В.В. Воробьева [2008], В.Н. Телии [1999] и получил дальнейшее развитие в работах других исследователей [Алефиренко 2005, 2010; Клоков 2000, Хроленко 2004 и др.].

Актуальность исследования. Современная культурологическая ситуация отличается тем, что лингвистами ведется усиленный поиск духовных опор в языке, предпринимаются попытки через язык по-новому осмыслить прошлое и настоящее того или иного народа. Так, В.В. Воробьев считает значимым объектом исследования лингвокультурологии русскую национальную личность, “объединяющую в себе язык и культуру” [Воробьев 1997: 3-5].

Методологические основания лингвокультурологии базируются на элементах концептологии, герменевтики и общей филологии. С точки зрения Г.Г. Слышкина, в процессе исследования взаимосвязи языковых единиц и единиц культуры как компонентов языка и культуры, основная задача состоит “в установлении, во-первых, адекватных языковых средств, выражающих ту или иную культурную единицу в дискурсе, а, во-вторых, в выявлении основных прагматических функций апелляций к данной культурной единице в различных коммуникативных ситуациях” [Слышкин 2000: 8].

Объект и предмет исследования. В статье представляется интересным исследование культурно-маркированных единиц художественного произведения Л.Н. Толстого “Анна Каренина” в его оригинальной и переводной версиях.

Цель. Исследуя проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, лингвокультурология изучает культурную семантику языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языкового кода и кода культуры в процессе коммуникации, в том числе и межкультурной коммуникации.

1. Специфика межкультурной коммуникации в XXI веке.

1.1. Система национально маркированных факторов межкультурной коммуникации.

В процессе межкультурного общения каждая культура выступает, прежде всего, как объект, который интерпретируется другими культурами, репрезентированными динамическими системами разноприродных знаков. В этом случае взаимодействие между культурами не может быть представлено в виде эквивалентно-тождественных отношений.

О.А. Леонтович выделяет следующую систему факторов, определяющих национально-культурную языковую специфику межкультурной коммуникации:

1. Факторы, связанные с культурной традицией народа: разрешение, запрещение, стереотипные акты общения, этикетные характеристики универсальных фактов общения, связанные с системой специфичных для данного общества ролевых и статусных отношений.

2. Факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения: функциональные подязыки и этикетные формы.

3. Факторы, связанные с социальной ситуацией в узком смысле, то есть учитывающие особенности протекания психических процессов и различных видов деятельности: психолингвистическая организация речевой деятельности, проксемические, паралингвистические явления.

4. Факторы, определяемые спецификой языка данной общности [Леонтович 2002: 191-192] и исследующие символы как отпечатки культуры.

1.2. Мотивированность символа как фактора межкультурной коммуникации.

Важнейшим свойством символа является его мотивированность. Мотивированность устанавливается между конкретным и абстрактным элементами символического содержания, что отличает символ от знака, в котором связь между означаемым и означающим произвольна и конвенциональна. Мотивированность символа базируется на аналогии, которая составляет основу такой семантической транспозиции (переноса), как метафора, метонимия и синекдоха. Мотивированность объединяет символ с метафорой и метонимией. Э. Кассирер отмечал роль метафоры в символическом конструировании реальности [Kassirer 1970]. Метафора объясняет аналогии в мифах, на основе метафоры связаны конкретный и абстрактный аспекты в содержании символа.

Символ и знак, являются важнейшими словами семиотического лексикона и имеют много общего: они конвенциональны и оба построены по трехкомпонентной модели (означаемое, означающее, семиотическая связка). По мнению Н.Д. Арутюновой, знаки конвенционализируются, а символы канонизируются, но, в отличие от знака, символ не подразумевает прямого указания на денотат [Арутюнова 1990]. Знак становится символом лишь тогда, когда его употребление предполагает реакцию не на сам символизируемый объект, а на целый спектр вторичных конвенциональных значений. Знаки требуют понимания, тогда как символу необходима интерпретация.

Таким образом, символ имеет знаковую природу, ему присущи все свойства знака, и хотя символ не подразумевает прямого указания на денотат, внешнее либо глубинное внутреннее подобие с символизируемым объектом может сохраняться. В ряде случаев в качестве символа культуры народа, как при прямой, так и при косвенной коммуникации может выступать коммуникативная личность переводчика. Коммуникативная личность как предмет лингвистического изучения представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [Богин 1984].

2. Перевод как фактор межкультурной коммуникации.

2.1. Языковая личность переводчика

Языковая коммуникативная личность переводчика в процессе ее исследования выступает в качестве центрального системообразующего звена

коммуникативного процесса. Она представляет собой многослойную, многоуровневую, многоаспектную структуру. В традиционном понимании языковая личность представляет собой некую существующую данность, за исключением тех случаев, когда художественный образ является языковой личностью, которая не существует сама по себе, а первоначально зависит от автора, а затем при переводе подчиняется законам переводного языка и интерпретации со стороны переводчика [Сорокин 2008].

Языковая коммуникативная личность как набор языковых потребностей, умений, готовности к осуществлению поступков различной степени сложности реализуется в художественном тексте в двух планах речи – авторской и персонажной. Саморазвитие коммуникативной личности переводчика при перекодировке литературно-художественных текстов представляет собой комплексную систему и происходит на основе накопления и использования переводчиком прошлого культурологического опыта цивилизации, отображенного в его сознании [Огнева 2005а].

Сложное сочетание психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий разных народов приводит к тому, что на уровне межкультурной коммуникации объем расхождений между языковыми личностями достигает некой критической массы, которая может оказать как положительное, так и отрицательное воздействие на степень успешности межкультурной коммуникации. Так, необходимо учитывать, что зафиксированная в языке ранняя культура славян, была мифологической культурой, и она не исчезла бесследно. Вследствие этого можно говорить о мифоархетипическом начале славянской культуры как родоначальницы русской культуры.

В русской культуре, по сути, совмещены три культуры: языческая славянская, византийская, западноевропейская, образуя одну из богатейших национальных культур мира и существуя в тесной связи с другими культурами, в том числе и с французской. По мнению Ю.М. Лотмана: “Процесс взаимного обогащения и ознакомления, включения в некоторый общий культурный мир вызывает не только сближение отдельных культур, но и их специализацию. Войдя в некоторую культурную общность, культура начинает резче культивировать свою самобытность” [Лотман 1984: 22].

Языковая личность переводчика состоит из следующих компонентов:

1) **ценностный компонент** – содержание воспитания, система ценностей, или жизненных смыслов. Ценностный компонент позволяет человеку сформировать первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует языковой образ мира, иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения;

2) **культурологический компонент** способствует освоению культуры, правил речевого и неречевого поведения;

3) **личностный компонент** характеризует индивидуальное, глубинное в каждом человеке [Маслова 2001: 119].

Языковая коммуникативная личность формируется на основе усвоения конкретным человеком языкового богатства, созданного человечеством. Следует подчеркнуть, что коммуникативная личность является основным компонентом процесса коммуникации как прямой, так и косвенной, именно поэтому автору литературно-художественных произведений удается представить миру культуру своего народа в сопоставлении с культурами иных народов через характерные национально-обусловленные поступки героев произведений. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов.

2.2. Культурный шок при межкультурной коммуникации.

В процессе косвенной коммуникации, так же как и при прямой коммуникации, читатель часто испытывает культурный шок, то есть осознание резкого расхождения материального или духовного уровня культур двух народов, проявляющихся в условиях личного контакта представителей одной культуры с представителями другой культуры [Моисеева 2002: 26]. Термин культурный шок ввел К. Оберг [Oberg 1960: 177-182]. Этот же термин можно применить и к процессу восприятия культурологически обусловленной лексики художественных произведений первоначально переводчиком, а затем, уже в адаптированном виде, читателем переведённого произведения.

Изучение принципов, на которых зиждется межкультурное общение, позволяет выделить причины коммуникативного шока и пути их преодоления в процессе адаптации инокультурных реалий к восприятию иноязычного реципиента. Процесс изучения межкультурного взаимодействия народов, в частности при косвенной коммуникации, требует использования комплексных подходов, качественных изменений в выборе методов исследования, которые выражаются в форме трансформации языковой личности, что является одним из условий успешного межкультурного общения [Леонтович 2002: 9].

В структуре языковой личности переводчика особое место принадлежит ценностям как наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения, возникающим не только на основании знаний, но и на основе собственного жизненного опыта человека, т.е. каждая языковая личность обладает некоей “оценочной шкалой”, с помощью которой репрезентируется окружающий мир. Эта внутренняя субстанция является структурным имплицитным свойством личности и мощным фактором её самоопределения, т.к. представитель той или иной культуры обладает неким культурным фондом, то есть комплексом знаний, обеспечивающих определенный кругозор в области национальной и мировой культуры.

Культурный фонд представляет собой совокупность тех базовых единиц, которые включаются в данную национальную культуру [см. подробнее: Огнева

2005б: 216-220]. Принадлежность человека к определенной культуре определяет его менталитет, на основе которого создаются исходные предпосылки и для восприятия иной культуры обычно посредством прочтения литературно-художественных произведений.

2.3. Языковая картина мира в системе межкультурной коммуникации.

Языковая картина мира выступает в качестве проводника в процессе коммуникации личности с окружающей средой. Она является основой личностной самоидентификации и во многом зависит от того, каким образом лингвокультура систематизирует объекты по их месторасположению в системе предметных значений и контекста. По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом [Касевич 1997], в результате чего возникают расхождения между архаической семантической системой языка с одной стороны, и актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива с другой стороны, что проявляется в порождаемых ими текстах [Бразговская 2004].

Языковая картина мира объективно отражает восприятие мира носителями той или иной культуры, в том числе и в художественных текстах. Структура картины мира, как известно, во многом определена принципом систематизации объектов, ее составляющих. Наблюдение картины мира в динамике осуществляется при социально-динамическом изучении взаимодействия культур [Лотман 1992, Гак 2000].

Социально-динамический подход в исследовании предполагает, что картина мира находится в непрерывном движении. Динамическим фактором является также уровень языковой, культурной компетентности, которая отражает картину мира через индивидуальное восприятие и язык. Языковая картина мира многофункциональна и выполняет следующие функции:

- ◆ объяснительная;
- ◆ оценивающая;
- ◆ подтверждающая (оправдывающая определенные общественные порядки, уклады и воззрения);
- ◆ усиливающая (психологическая функция, подкрепляющая социально-групповые устои);
- ◆ интегративная (систематизирующая восприятие окружающей действительности);
- ◆ адаптивная (служащая для разрешения конфликтов и ослабления культурологического диссонанса).

И.Г. Ольшанский полагает, что все богатство функций можно свести к двум базисам, так как субъективный целостный образ объективной действительности картины мира выполняет в жизни народа и человека две базисные функции: объяснительную (интерпретативную) и регулятивную [Ольшанский 2003: 34]. Картина мира, представляющая собой знания о мире, основывается на индивидуальном и общественном сознании и совпадает с логическим отражением мира в сознании людей.

Отличия языковых картин мира, возникающих в сознании различных народов, проявляются в особенностях лексической семантики и грамматической структуры национальных языков. Именно с языковой картиной мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных структур, связан художественный текст как форма реализации художественной картины мира. При перекодировке художественных текстов переводчик не заменяет одну языковую картину другой, эти картины наслаиваются, совмещаются. По мнению Н.А. Фененко, “в результате накладывания своей картины мира на чужую происходит освоение чужой действительности средствами своей понятийной системы [Фененко, Соболевская 2008: 184]. Языковая и лингвокультурологическая картины мира (лингвистическая и культурологическая компетенции), согласуясь между собой в силу диалектической связи языка и мышления как отражения мира, имеют в то же время ряд различий, обусловленных их функциональной спецификой.

Лингвокультурологическая компетенция, которая представляет собой систему знаний о культуре, воплощена в определенном национальном знаке, поэтому “языковые знаки и выражения требуют внеязыкового способа их раскрытия” [Воробьев 1997: 81–82], тогда как лингвокультурологическая картина мира может принимать форму языковой, то есть лингвистической компетенции, но оказываться содержательно более глубокой, поскольку первая выступает по отношению ко второй только лишь как вспомогательный компонент.

Культурологическая относительность языковой картины мира проявляется в вариативности форм и категоризации системы значений. Компоненты, составляющие данную систему, отражают специфику жизнедеятельности и культуры социальной и национальной общности, описываемой в тексте, где этноконнотация представляет собой глубинный уровень предполагаемой многослойной модели понятий культуры с определенной структурой и комбинаторикой признаков содержания этноконнотантов. Возникновение этноконнотации связано со степенью соотнесенности плана выражения знака с определенным культурным кодом.

Языковая картина мира отличается ярко выраженной прагматичностью и проявляется в реалиях, к которым относятся понятия, связанные с бытом и мировоззрением создавшего их общества. Они придают национальный колорит тексту оригинала.

3. Перекодировка национальных языковых реалий.

Перекодировка национальных языковых реалий решает вопрос передачи исторического и культурного своеобразия информации, заложенной в тексте оригинала на иной язык, поэтому исследования национально-культурной специфики значений языковых единиц позволяют рассматривать соотношения и взаимодействия понятий отдельной культуры с общечеловеческой.

Текст связан с культурой и пронизан множеством культурных кодов, поэтому правила построения текста зависят от контекста культуры. В ряде случаев единицы могут как усилить, так и ослабить культурный сигнал при переводе. Известно, что в дворянских семьях, а особенно в богатых помещичьих усадьбах, рецепты русской кухни отличались большим разнообразием, о чем подробно описывает Л.Н. Толстой в произведении “Анна Каренина”: *Но Степан Аркадьевич <...> все находил превосходным: и травник, и хлеб, и масло, и особенно полоток, и грибки, и крапивные щи, и курицу под белым соусом* [Толстой. Анна Каренина, 161] – *D`ailleurs Stéphane Arcadiévitch <...> ne cessa de trouver tout excellent le ratafia, le pain, le beurre, la volaille fummée, les champignons, la soupe aux orties, le poulet au blanc* [Tolstoï. Anna Karénine, 182].

Переводчику, в целом, удалось адаптировать информацию оригинала к восприятию франкоговорящим читателем путем употребления как адекватного способа перевода номинантов ряда реалий русской кухни: *хлеб* – *le pain*, *масло* – *le beurre*, *грибки* – *les champignons*, так и применив эквивалентный перевод: *крапивные щи* – *la soupe aux orties*.

В исследуемом материале было обнаружено две культуремы: *травник* и *полоток*. Культурема *травник* практически вышла из употребления в настоящее время, поэтому ее значение необходимо уточнить в словаре В.И. Даля: “Травник – это набор трав и кореньев для настоек водочных и лекарственных”. Травником, например, называли пермское пиво, в которое клали, вместо хмеля, пряные и одуряющие травы и солощу. В России XIX века давали советы: “Перед обедом выпить рюмочку травничку!”.

В результате проведенного сопоставительного анализа было установлено, что в рассматриваемом тексте лексема *травник* перекодирована эквивалентом *le ratafia* (ратафия – сорт ликера). Подчеркнём, что название *le ratafia* было заимствовано на краткий период в русский язык путем транслитерации, но не получило распространения. Это обусловлено тем, что в языке существует достаточно большое количество наименований для напитков. Культурема *полоток* обозначает, в соответствии с данными словаря В.И. Даля, “половину распластанной птицы, соленой, вяленой, копченой, засушенной в печи”. Исследование культуремы *полоток* выявляет два варианта ее перевода: *la volaille fummée*, употребленный в анализируемом произведении “Анна Каренина”, и *fricandeau* – в произведении Б. Пастернака “Доктор Живаго”.

Переводной вариант *la volaille fummée* (копчёная птица) адаптирует реалию не в полном объёме, т.к. исчезла значимая составляющая культуремы,

а именно, объём описываемой реалии: полоток – это половина птицы, а не птица целиком, как об этом говорится в тексте перевода на французском языке [см подробнее: Моисеева, Огнева 2010].

Таким образом, культурологическая семантика реалий художественного текста, формирующаяся на основе взаимодействия двух различных предметных областей – языка и культуры, предопределяет степень несовпадения национально-культурного пространства читателей оригинала и перевода. В ряде случаев слова, обозначающие инокультурные реалии, могут не вызвать никаких ассоциаций у читателя, поэтому от переводчика зависит правильный подбор средств перекодировки культурологически обусловленных лексических единиц для передачи их содержательного аспекта на переводной язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема / Н.Ф. Алефиренко // Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра. – Братислава, 2005. – С. 75–79.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. науч. тр. – М., 1990. – 256 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 256 с.
5. Бразговская Е.Е. Текст культуры: от события – к событию [логико-семиотический анализ межтекстовых взаимодействий] / Е.Е. Бразговская. – Пермь, 2004. – 284 с.
6. Воробьев В.В. Лингвокультурология (Теория и методы) : монография / В.В. Воробьев. – М. : РУНД, 2008. – 340 с.
7. Гак В.Г. Русская динамическая картина мира / В.Г. Гак // Русский язык сегодня : сб. ст. – М. : Азбуковник, 2000. – Вып.1. – С. 36–44.
8. Касевич В.Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса / В.Б. Касевич // XVI Congrès International des Linguistes. – Paris, 1997. – 256 с.
9. Клоков В.Т. Основные направления лингвокультурологических исследований в рамках семиотического подхода / В.Т. Клоков // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2000. – Вып. 2. – С. 60–67.
10. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография / О.А. Леонтович. – Волгоград : Перемена, 2002. – 435 с.
11. Лотман Ю.М. О семиосфере / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – С. 20–29.

12. Лотман Ю.М. О динамике культуры / Ю.М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 25. – Тарту, 1992. – С. 5–22.
13. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Изд. центр “Академия”, 2001. – 208 с.
14. Моисеева С.А. Французское и русское поведение: контактность и дисконтантность / С.А. Моисеева // Русское и французское коммуникативное поведение. – Вып 1. – Воронеж : изд-во “Истоки”, 2002. – С. 24–27.
15. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: монография // Моисеева С.А., Огнева Е.А. – М. : “ИРИС ГРУПП”, 2010. – 202 с.
16. Огнева Е.А. К вопросу о причинах несоответствия картин быта оригинала и перевода / Е.А. Огнева // Романо-германская филология : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2005а. – Вып. 5. – С. 328–336.
17. Огнева Е.А. К вопросу об адаптации культурологического фонда произведения при переводе / Е.А. Огнева // Язык и межкультурная коммуникация : материалы 2-й межвуз. науч.-практ. конф. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2005б. – С. 216–220.
18. Ольшанский И.Г. Концептуальные признаки и когнитивные синонимы как фрагмент картины мира / И.Г. Ольшанский // Филология и культура : материалы IV Междунар. науч. конф. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 6–8.
19. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
20. Сорокин Ю.А. Чем художественный перевод отличается от нехудожественного? (Предварительные и априорные рассуждения) / Ю.А. Сорокин // Социокультурные проблемы перевода : сб науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж: Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 44–49.
21. Степанов Ю.С. Контакты. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.
22. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В.Н. Телия // Филология и культура : материалы второй Междунар. конф. – Тамбов, ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 45–47.
23. Фененко Н.А. Русская действительность сквозь призму французской / Н.А. Фененко, И.С. Соболевская // Социокультурные проблемы перевода : сб науч. тр. Вып. 8. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – С. 175–185.
24. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии : учебное пособие / А.Т. Хроленко / Под ред. В.Д. Бондалетова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 184 с.

25. Kassirer E. The philosophy of symbolic forms / E. Kassirer. – Vol. 2. Mythical thought. – New-Haven; London, 1970. – 298 p .
26. Oberg K. Culture shock: Adjustment to New Environment / K. Oberg. Practical Anthropology, 1960. – № 7. – P. 177–182.
27. Толстой Л.Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. – М. : Советская Россия, 1984. – 560 с.
28. Tolstoï L. Anna Karénine / L. Tolstoï // Tr. du russe par Sylvie Luneau. – Paris : Éditions Gallimard, 1952. – 909 p.

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Александровна Огнева, доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета; e-mail: Ogneva@bsu.edu.ru

УДК: 821.112.2 – 34.09

**КОНЦЕПТОСИСТЕМА
НЕМЕЦКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ**
Е.С. Путий (Запорожье)

Е.С. Путий. Концептосистема немецкой фольклорной сказки. В статье предложена модель концептуального пространства немецкого сказочного дискурса, основанная на результатах квантитативного и контекстуально-интерпретативного анализа. Определен набор приоритетных концептов и закономерности их сочетаемости.

Ключевые слова: сказочный дискурс, концептосистема, комбинаторика концептов.

О.С. Путий. Концептосистема німецької фольклорної казки. У статті запропоновано модель концептуального простору німецького казкового дискурсу, що базується на результатах квантитативного й контекстуально-інтерпретативного аналізу. Встановлено набір приоритетних концептів і закономірності їхньої сполучуваності.

Ключові слова: казковий дискурс, концептосистема, комбінаторика концептів.

O.S. Puty. Conceptual system of the German folk tale. This paper presents a model of the conceptual space of the German fairy-tale discourse based on the results of the quantitative and interpretative analysis. It reveals a set of dominant concepts and regularities of their combinability.

Key words: fairy-tale discourse, conceptual system, combinability of the concepts.

1. Вводные замечания. Изучение когнитивного потенциала фольклорных текстов как квинтэссенции духа народа мотивировано стремлением выявить концептуальные доминанты определенной лингвокультуры в относительно “чистом виде” и смоделировать общую картину знаний, верований и ценностей ее представителей. Особый интерес в этом контексте вызывают народные сказки, сохранившие следы архаичных ментальных установок этноса и позволяющие выявить исторические корни его современной модели мира.

Народные сказки не раз становились объектом специальных исследований лингвистов. При этом анализу подвергались их исторический [Zipse 1983], структурный [Пропп 1998] и семантический аспекты [Греймас 2004]. Рефлексия сказочных текстов в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы позволяет говорить о *сказочном дискурсе* как об особой знаковой системе, обслуживающей культурную коммуникацию, в которой под влиянием

различного рода экстралингвистических факторов (культурологических, этнопсихологических, ментальных, исторических, этнографических и др.) реализуются аксиологические макростратегии этноса [Миронова 1997: 48].

Существует опыт описания лингвокультурных характеристик [Акименко 2005] и концептуального пространства сказочного дискурса на материале английского языка [Єремеева 1997]. Концептуарий немецкой фольклорной сказки остается пока вне поля зрения лингвистов, чем и продиктована **актуальность** данной статьи, **объект** которой составляет немецкий сказочный дискурс (НСД), а **предмет** – система актуализированных в нем концептов. **Цель** работы заключается в моделировании конфигурации концептов НСД с учетом их внутрисистемных связей и отношений. В качестве фактического материала был использован корпус фольклорных сказок проекта “Gutenberg-DE” [Grimm, e-doc].

Методологической предпосылкой настоящего исследования служит положение о том, что каждый дискурс способен образовывать свою собственную концептосистему, формируемую конфигурациями типологически разных ментальных единиц [Приходько 2008: 244]. Как совокупность апелляций к различным концептам он обуславливает их от- и подбор (селекция и адсорбация), а также их актуализацию в соответствии с собственной типологической принадлежностью как социокультурно маркированного продукта коммуникации [Приходько 2008: 248; Шевченко 2010: 74].

2. Концептуальное пространство немецкого сказочного дискурса. Назначение сказочного дискурса состоит в нахождении и переживании сущностных смыслов бытия человека, в попытке истолковать его взаимосвязь с окружающим миром [Карасик 2002: 281]. Ситуативно-свободный моносубъектный характер сказки позволяет ей реализовать познавательную установку, унаследованную от мифа, в форме наставительно-дидактической стратегии [Акименко 2004: 50]. Однако в отличие от своего предшественника она утрачивает эзотеричность, перестает быть “тайным” знанием посвященных [Мечковская 2007: 363] и объясняет суть вещей с помощью “игрового регистра” дискурса [Борботько 2009: 79] – в виде юмористического назидания через иносказание.

Экспланаторно-дидактическая прагматика сказочного дискурса, его генетическая связь с мифом, а также игровая форма назидательности обуславливают характер, частотность и комбинаторику концептов, к которым он апеллирует. В свою очередь типологические особенности концептов (исконные/заимствованные, параметрические/непараметрические) определяют их статус в НСД – метахтонный, автохтонный или аллохтонный (термины А.Н. Приходько [Приходько 2008, с. 240]).

С целью воссоздания ментально-информационного портрета НСД был проведен квантитативный и контекстуально-интерпретативный анализ текстов немецких фольклорных сказок, в результате которого были выделены 175 приоритетных концептов: один метахтон, 15 автохтонов и 159 аллохтонов. При

этом было установлено, что набор концептуальных автохтонов НСД является принципиально закрытым, а аллохтонов – относительно открытым, что объясняется социально-исторической спецификой этой сферы коммуникации, с одной стороны, и воспроизводимостью ее текстов, – с другой. Кроме того, анализ свидетельствует об отсутствии прямых корреляций между коммуникативной продуктивностью концепта и его дискурсивным статусом.

Метахтонные концепты (метаконцепты) представляют собой “ментальные единицы, возникшие в результате осмысления носителями языка продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования” [Слышкин 2004: 99]. Они дают имя дискурсу, способствуют максимальной концептуальной насыщенности картины мира, конституируемой в его текстах, однако избегают эксплицитной реализации в них. Так, метахтон MÄRCHEN / СКАЗКА, продуктивность которого в НСД составляет всего 0,06%, рефлексивует клишированность элементов композиции сказки (*Mein Märchen ist aus, dort läuft eine Maus, wer sie fängt, darf sich eine große Pelzkappe daraus machen; Da kam eine Maus, das Märchen war aus* [Grimm, e-doc]), а также сигнализирует ценностное отношение к ней клиентов дискурса, подчеркивая ее игровой, развлекательный, вымышленный характер (*Und wenn sie ausgebetet haben, soll das Märchen weitererzählt werden, sie beten aber alleweile noch immer fort* [Grimm, e-doc]).

Автохтонные концепты исторически сформировались в рамках определенного дискурса и продолжают регулярно в нем воплощаться [Слышкин 2004: 106; Приходько 2008: 240]. В НСД автохтоны составляют 9% его концептуального пространства, а их продуктивность – 14% от общего числа актуализаций. К ним относятся мифоконцепты SONNE / СОЛНЦЕ, MOND / ЛУНА, HIMMEL / НЕБО, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА, а также концепты, отражающие представления об основных сказочных героях – KÖNIG / КОРОЛЬ, PRINZ / ПРИНЦ, PRINZESSIN / ПРИНЦЕССА, HEXE / ВЕДЬМА, TEUFEL / ЧЕРТ, DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ. Это объясняется тем, что образы и мотивы фольклорной сказки являются проекциями мифологической картины мира, которой присущи специфические, образные, чувственные представления о явлениях природы и социальной жизни [Маковский 1996: 15]. Придя на смену матриархальному мифу, фольклорная сказка претерпела ряд смысловых трансформаций: богиня приняла облик ведьмы, колдуньи или мачехи, образ юной принцессы был замещен образом деятельного героя, произошла патриархализация брака, семьи и общества в целом, а символы, восходящие к древнейшим матриархальным обрядам, были вытеснены либо переосмыслены [Zipser 1983: 7].

Квантитативный анализ текстов НСД позволил зафиксировать 159 **аллохтонных** концептов (90,8%) – концептуальных переменных, привнесенных из других когнитивно-семантических пространств для выполнения определенных коммуникативных функций [Приходько 2008: 240]. Набор автохтонов НСД потенциально может варьироваться в зависимости от личности и намерений рассказчика, однако резерв, из которого он черпает

дополнительные концептуальные ресурсы, ограничен социально-историческими рамками породившей его эпохи. Так, сказочные тексты не содержат апелляций к концептам, отражающим представления об индустриализации, коммерции и урбанизации [Zipers 1983: 7].

Совокупность мета-, авто- и аллохтонов НСД образует его концептосистему как результат отображения человеческой мыслью окружающей среды в рамках наивной картины мира. Она формируется в соответствии с коммуникативными предпосылками НСД – констатацией некоего существующего порядка и потребностью в его обосновании и разъяснении. Поскольку сказочное повествование способствует “гуманизации мира”, придает ему индивидуальное и событийное измерение, “мир становится оправданным человеком, а человек оказывается вписанным в этот мир” [Греймас 2004: 307]. Этим объясняется включенность в концептосистему НСД четырех концептуальных доменов – ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, КУЛЬТУРА и ХРОНОТОП (табл. 1).

Концептуальные домены, составляющие концептосистему НСД, имеют трехъярусную структуру и существуют в триединстве гипер-, гипо- и катаконцептов. Когнитивно-семантическое пространство человек синтезирует гиперконцепты “биологический человек” и “социальный человек”. Первый

аккумулирует представления о биовитальной сущности индивида и подчиняет себе гипо- и катаконцепты, наполненные более конкретным предметно- и чувственно-образным содержанием: “возраст” (DIE ALTE / СТАРУХА, DER GREISE / СТАРИК, KIND / РЕБЕНОК), “ГЕНДЕР” (FRAU / ЖЕНЩИНА, MANN / МУЖЧИНА, MÄDCHEN / ДЕВОЧКА, JUNGE / МАЛЬЧИК), “состояние” (ANGST / СТРАХ, FREUDE / РАДОСТЬ, HUNGER / ГОЛОД, LEID / СТРАДАНИЕ, SCHLAF / СОН, TRAUER / ПЕЧАЛЬ, TOD / СМЕРТЬ) и “части тела” (ARM / РУКА, BAUCH / ЖИВОТ, HAAR / ВОЛОС, HAND / ЛАДОНЬ, HERZ, / СЕРДЦЕ, KOPF / ГОЛОВА). Ментальные единицы, составляющие гиперконцепт “социальный человек”, – “родство” (BRUDER / БРАТ, (STIEF) MUTTER / МАТЬ (МАЧЕХА), (STIEF) SCHWESTER / (СВОДНАЯ) СЕСТРА, SOHN / СЫН, TOCHTER / ДОЧЬ, VATER / ОТЕЦ), “профессия / род занятий” (BAUER / КРЕСТЬЯНИН, DIENER / СЛУГА, HIRT / ПАСТУХ, JÄGER / ОХОТНИК), “добродетель” (FROMMNEIT / НАБОЖНОСТЬ, KLUGNEIT / УМ, SCHÖNNEIT / КРАСОТА, TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ), – закрепляют социальные роли и морально-этические качества личности, реализуемые в процессе общественного взаимодействия.

Элементы концептуального домена человек обнаруживают наивысшую продуктивность (52%) в текстах НСД, поскольку воплощаются в виде действующих лиц, функции которых лежат в основе морфологии сказки [Пропп 1998: 60]. Так, например, концепт STIEFMUTTER / МАЧЕХА актуализируется в

Таблица 1

**Продуктивность
концептуальных доменов в
немецком сказочном дискурсе**

Домены	Количество	
ЧЕЛОВЕК	7751	52%
ПРИРОДА	3087	21%
КУЛЬТУРА	2181	15%
ХРОНОТОП	1853	12%
всего	14872	100%

функции “вредительство” (антагонист наносит ущерб одному из членов семьи), которая открывает завязку и создает “движение сказки” [Пропп 1998: 27]. Ср.: *Wie sie so fröhlich dahinsprangen, sahs die Stiefmutter vom Fenster mit an und ärgerte sich. Weil sie aber Hexenkünste verstand, so verwünschte sie beide, das Brüderchen in einen Fisch und das Schwesterchen in ein Lamm* [Grimm, e-doc].

Концептуальный домен ПРИРОДА (21%) формируется в НСД такими гипо- и катаконцептами, которые фиксируют в сознании окружающий человека мир в категориях “живая природа” – ФЛОРА (BAUM / ДЕРЕВО, BLUME / ЦВЕТОК, KRÄUTER / ТРАВЫ), фауна (BÄR / МЕДВЕДЬ, ESEL / ОСЕЛ, FUCHS / ЛИС, GANS / ГУСЬ, LÖWE / ЛЕВ, RABE / ВОРОН, WOLF / ВОЛК), сказочные существа (HEXE / ВЕДЬМА, DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ) – и “неживая природа” – ландшафт (BERG / ГОРА, FELD / ПОЛЕ, WALD / ЛЕС, WIESE / ПОЛЯНА), природные явления (FINSTERNIS / МРАК, HIMMEL / НЕБО, (VOLL) MOND / (ПОЛНАЯ) ЛУНА, STERNE / ЗВЕЗДЫ, WIND / ВЕТЕР), стихия (ERDE / ЗЕМЛЯ, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА) и сверхъестественное (ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО). В целом концептуализация ПРИРОДЫ в сказке подчиняется идее взаимосвязи и взаимопроникновения природы и человека, свойственной мифологическому мышлению, что проявляется в интенсивных процессах метафоризации. В результате аллегорического переосмысления явления живой природы приобретают антропоморфные признаки, а неживая природа предстает в образе живого и в определенной мере социализированного существа, которому присущи разум, психика, эмоции и даже речь. Ср.: *“Nein”, sagte die Sonne, “ich habe keine gesehen, aber da schenk ich dir ein Kästchen, das mach auf, wenn du in großer Not bist”* [Grimm, e-doc].

Конституентами домена КУЛЬТУРА (15% концептуального пространства НСД) являются гиперконцепты “материальная культура” и “духовная культура”, содержащие представления об объектах, созданных человеком для удовлетворения собственных витальных и эмоциональных потребностей и обеспечивающих непрерывность процессов жизнедеятельности. Первая составляющая реализуется в таких гипо- и катаконцептах, как “предметы обихода” (BESEN / МЕТЛА, KLEID / ПЛАТЬЕ, MESSER / НОЖ, PFLUG / ПЛУГ, SCHLÜSSEL / КЛЮЧ, TOPF / ГОРШОК), “пища” (BIER / ПИВО, BROT / ХЛЕБ, KÄSE / СЫР, WEIN / ВИНО, WURST / КОЛБАСА), “оружие” (DEGEN / ШПАГА, SCHWERT / МЕЧ), “деньги” (ARMUT / БЕДНОСТЬ, GOLD / ЗОЛОТО, REICHTUM / БОГАТСТВО, SCHÄTZE / СОКРОВИЩА) и “сооружения” (BRÜCKE / МОСТ, SCHLOß / ЗАМОК). В свою очередь гиперконцепт “духовная культура” включает ментальные единицы “религия” (ENGEL / АНГЕЛ, GEIST / ДУХ, GOTT / БОГ, JUNGFRAU MARIA / ДЕВА МАРИЯ, KIRCHE / ЦЕРКОВЬ, SÜNDE / ГРЕХ), “досуг” (LIED / ПЕСНЯ, MÄRCHEN / СКАЗКА, RÄTSEL / ЗАГАДКА) и “торжества” (FEST / ПРАЗДНИК, HOCHZEIT / СВАДЬБА, MESSE / ЯРМАРКА). При этом актуализация таких концептов, как LIED / ПЕСНЯ, MÄRCHEN / СКАЗКА и RÄTSEL / ЗАГАДКА, носит интертекстуальный характер, поскольку развернутая структура ситуативно-свободного НСД способна подчинять себе любой другой дискурс, инкорпорируя его в контекстно-связанном виде. Ср.: *Es [das Schneiderlein] war dahinten ganz lustig und guter Dinge, pfiff das Liedchen “Es*

ritten drei Schneider zum Tore hinaus”, als wäre das Baumtragen ein Kinderspiel [Grimm, e-doc].

Концептуальный домен ХРОНОТОП инкорпорирует гиперконцепты “пространство” и “время”, задающие систему координат сказочного повествования. Гипоконцепты “открытое пространство” (DORF / ДЕРЕВНЯ, GARTEN / САД, LAND / СТРАНА, STADT / ГОРОД, REICH / КОРОЛЕВСТВО), “закрытое пространство” (GRAB / МОГИЛА, HAUS / ДОМ, HÖHLE / ПЕЩЕРА, KELLER / ПОДВАЛ) и “водное пространство” (BRUNNEN / КОЛОДЕЦ, FLUSS / РЕКА, MEER / МОРЕ, TEICH / ПРУД) воплощают представления о месте человека в мире, на “этом” и “том” свете. Так, многие пространственные концепты, к которым апеллирует НСД, выявляют связь с прошлым, царством мертвых, поэтому они могут означать некоторую глубину, похожую на могилу. Ср.: ... *hinter meinem Hause ist ein alter wasserleerer Brunnen, in den ist mir mein Licht gefallen, es brennt blau und verlischt nicht, das sollst du mir wieder heraufholen* [Grimm, e-doc].

Гиперконцепт “время” включает такие элементы, как “время суток” (ABEND / ВЕЧЕР, MORGEN / УТРО, NACHT / НОЧЬ, TAG / ДЕНЬ), “времена года” (FRÜHJAHR / ВЕСНА, WINTER / ЗИМА) и “дни недели” (SONNTAG / ВОСКРЕСЕНЬЕ). При этом НСД концептуализирует исключительно конвенционально-общественное время, отражающее “условно-метрическую периодизацию явлений природы и жизненного мира человека” [Белозьорова 2005: 11]. Ср.: *Als der Winter kam, deckte der Schnee ein weißes Tüchlein auf das Grab, und als die Sonne im Frühjahr es wieder herabgezogen hatte, nahm sich der Mann eine andere Frau* [Grimm, e-doc].

Формируемая гиперконцептами ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, КУЛЬТУРА и ХРОНОТОП концептосистема НСД обладает всеми системорелевантными свойствами – целостностью, множественностью, структурированностью, изоморфизмом, связью, иерархичностью [Карпов 2003: 299]. Она представляет собой упорядоченную совокупность множества концептов, имеющих тождественное строение и находящихся в определенных связях и отношениях. Конкретизация межконцептных корреляций в терминах подчинения, рядоположения и сочетания позволяет выявить когнитивно-семантическую комбинаторику концептов, смысловая палитра которой визуализирована в рис. 1.

3. Комбинаторика концептов немецкого сказочного дискурса. Актуализируясь в НСД, элементы разных концептуальных доменов выявляют специфическую сочетаемость между собой, образуя конфигурации с одними ментальными единицами и избегая контактов с другими. При этом комбинаторика концептов зависит от их когнитивно-аксиологических параметров, с одной стороны, и от коммуникативных задач и установок рассказчика, – с другой. В первом случае концепты обнаруживают глубинные взаимосвязи, основанные на наличии общих признаков в их когнитивной структуре. Так, корреляция “биологический человек” – “живая природа” обусловлена представлениями о психофизиологических особенностях человека как вида и эксплицируется в сочетаниях типа HUNGER / ГОЛОД – FRUCHT / ПЛОД,

KRÄUTER / ТРАВЫ – LEBEN / ЖИЗНЬ и др., указывающих на способность природы удовлетворить биовитальные потребности индивида. Ср.: *Und weil sie den ganzen Tag gegangen war und keinen Bissen genossen hatte, und der Hunger sie quälte, so dachte sie “ach, wäre ich darin, damit ich etwas von den Früchten äße, sonst muß ich verschmachten”* [Grimm, e-doc].

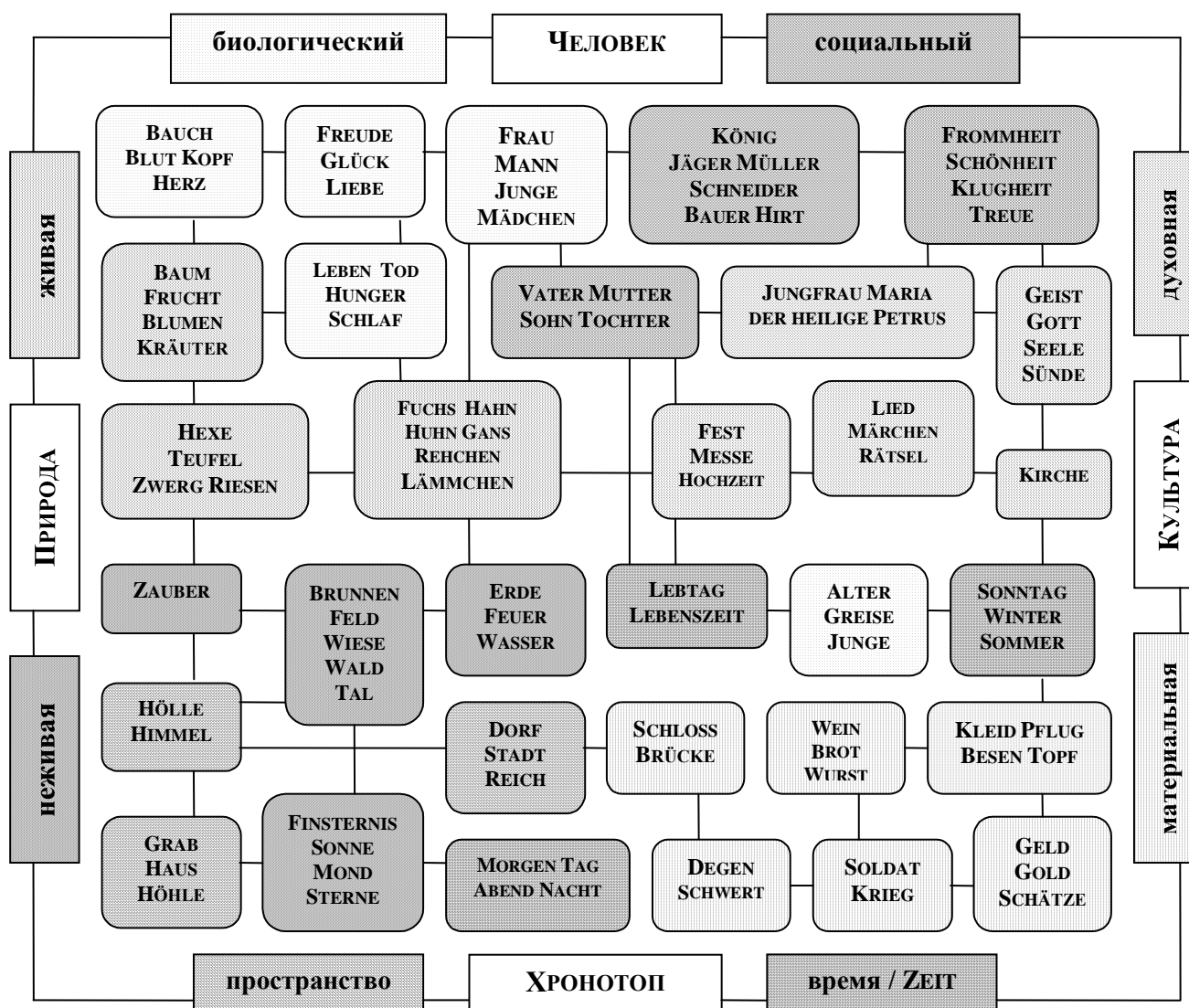

Рис. 1. Концептосистема немецкого сказочного дискурса.

Точками соприкосновения гиперконцептов “социальный человек” и “духовная культура” являются образы, фиксирующие конвенционализированные социальные роли, общественные ценности и религиозные верования народа (MUTTER / МАТЬ – JUNGFRAU MARIA / ДЕВА МАРИЯ, VATER / ОТЕЦ – GOTT / БОГ, TOCHTER / ДОЧЬ – FROMMHEIT / НАБОЖНОСТЬ). При этом концепты, воплощающие профессии / род занятий человека (SCHNEIDER / ПОРТНОЙ, JÄGER / ОХОТНИК, KÖNIG / КОРОЛЬ), обнаруживают также семантически обусловленную сочетаемость с конститuentами гиперконцепта “материальная культура” BESEN / МЕТЛА, KLEID / ПЛАТЬЕ, MESSER / НОЖ, GOLD /

ЗОЛОТО и др., воплощающими их инструментарий либо атрибутику. Ср.: *Da erschrak der Prinz und sprach: "Lieber Jäger, laß mich leben, da geb ich dir mein königliches Kleid, gib mir dafür dein schlechtes!"* [Grimm, e-doc].

Идея периодизации жизнедеятельности человека и творимых им артефактов объединяет гиперконцепты “материальная культура” и “время” и находит отражение в таких межконцептных связях, КАК ZEIT / ВРЕМЯ – GELD / ДЕНЬГИ (TALLER / ТАЛЛЕР), KRIEG / ВОЙНА – SCHWERT / МЕЧ, SOMMER / ЛЕТО – PFLUG / ПЛУГ и пр. При этом ZEIT / ВРЕМЯ занимает особое место в концептосистеме НСД как единственный гипоконцепт, актуализирующийся в сказочных текстах непосредственно, а не рассеянный в реализациях своих катаконцептов. Этим объясняется наличие его прямых корреляций с элементами всех доменов, например, с ментальными единицами ALTER / ВОЗРАСТ, DER GREISE / СТАРИК, JUNGE / МАЛЬЧИК, отражающими биологический возраст человека: *Es war einmal ein steinalter Mann, dem waren die Augen trüb geworden, die Ohren taub, und die Knie zitterten ihm* [Grimm, e-doc].

Контакты гиперконцептов “неживая природа” и “пространство” мотивированы образами предметов и явлений материального мира, мыслимого как среда обитания человека и ее атрибуты [Кубрякова 1997, с. 26]. Эта идея материализуется в текстах НСД в виде комбинаций концептов BRUNNEN / КОЛОДЕЦ – GRAB / МОГИЛА, BERG / ГОРА – HÖHLE / ПЕЩЕРА, WALD / ЛЕС – HAUS / ДОМ, REICH / КОРОЛЕВСТВО – WALD / ЛЕС, HIMMEL / НЕБО – SONNE (MOND, STERNE) / СОЛНЦЕ (ЛУНА, ЗВЕЗДЫ). Ср.: *Sie kam in einen großen wilden Wald, da setzte sie sich auf ihre Knie und betete zu Gott, und der Engel des Herrn erschien ihr und führte sie zu einem kleinen Haus...* [Grimm, e-doc].

Комбинаторику концептов определяют также коммуникативные стратегии НСД, варьирующиеся в зависимости от типа сказки – анималистической, волшебной или бытовой. Так, в анималистических сказках преобладают аксиологическая, экспланаторная, дидактическая и лудическая стратегии, реализующиеся в морально-этическом наставлении, ценностной ориентации клиента сказочного дискурса посредством иронического иносказания [Акименко 2004: 50]. Когнитивно-семантический профиль этого сегмента НСД состоит в сочетаемости гендерных концептов с зоологическими: MANN / МУЖЧИНА – HAHN (FUCHS, LÖWE, WOLF) / ПЕТУХ (ЛИС, ЛЕВ, ВОЛК), FRAU / ЖЕНЩИНА – HUHNER (GANS, KATZE) / КУРИЦА (ГУСЫНЯ, КОШКА). Когнитивной предпосылкой подобных комбинаций является присвоение образу животного антропоморфных черт, олицетворяющее, осуждающее и высмеивающее человеческие пороки (глупость, трусость, хвастовство, плутовство, жестокость, лесть, лицемерие и т. п.). Ср.: *Es trug sich zu, daß die Katze in einem Walde dem Herrn Fuchs begegnete... so sprach sie ihm freundlich zu. "Guten Tag, lieber Herr Fuchs, wie gehts? wie stehts?" ... Der Fuchs, alles Hochmutes voll, betrachtete die Katze von Kopf bis zu Füßen und wußte lange nicht, ob er eine Antwort geben sollte* [Grimm, e-doc].

В волшебной сказке, преследующей цель развлечения и убеждения адресата в неправдоподобной и неконкретной сказочной информации, осуществляется набор стратегий, соотносимый со всеми параметрами сказочного дискурса (чудо, аксиологичность и размытый хронотоп) [Акименко 2004: 51]. Концептуальными доминантами волшебных сказок являются автохтоны НСД, воплощающие представления о сверхъестественных (HEXE / ВЕДЬМА, TEUFEL / ЧЕРТ) и мифологических СУЩЕСТВАХ (DER RIESE / ВЕЛИКАН, ZWERG / ГНОМ). Спецификация всех остальных концептов, к которым апеллируют волшебные сказки, осуществляется путем их комбинирования с автохтонами, вследствие чего возникают сочетания типа HEXE / ВЕДЬМА – FRAU (STIEFMUTTER, HAUS, WALD, FEUER) / ЖЕНЩИНА (МАЧЕХА, ДОМ, ЛЕС, ОГОНЬ), TEUFEL / ЧЕРТ – NACHT (GOLD, TOD) / НОЧЬ (ЗОЛОТО, СМЕРТЬ), DER RIESE / ВЕЛИКАН – BERG (BAUM, TOD, ANGST) / ГОРА (ДЕРЕВО, СМЕРТЬ, СТРАХ) и пр. Ср.: *Der Teufel dachte "mit Gold fängst du die zwei Haderlumpen am besten," zog gelindere Saiten auf und fragte ganz zutraulich, ob sie nicht einen Beutel mit Gold annehmen und damit heimgehen wollten* [Grimm, e-doc].

Преломляясь сквозь призму чуда (волшебства, колдовства), концепты образуют конфигурации с автохтоном ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО, фиксирующие целые когнитивные сценарии превращения: KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – LÖWE / ЛЕВ – ZEIT / ВРЕМЯ (*Der Löwe aber war ein verzauberter Königssohn und war bei Tag ein Löwe, und mit ihm wurden alle seine Leute Löwen, in der Nacht aber hatten sie ihre natürliche menschliche Gestalt* [Grimm, e-doc]), ZEIT / ВРЕМЯ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – HEXE / ВЕДЬМА – KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – WALD / ЛЕС (*Zur Zeit, wo das Wünschen noch geholfen hat, ward ein Königssohn von einer alten Hexe verwünscht, daß er im Walde in einem großen Eisenofen sitzen sollte* [Grimm, e-doc]) и др. Пересечения ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО с автохтонными мифоконцептами SONNE / СОЛНЦЕ, FEUER / ОГОНЬ, WASSER / ВОДА отражают верования народа в магическую силу природы. Ср.: *Da sprach der Alte: "Ich weiß noch ein Mittel, das ist das Wasser des Lebens, wenn er davon trinkt, so wird er wieder gesund; es ist aber schwer zu finden"* [Grimm, e-doc].

В отличие от анималистических и волшебных бытовые сказки максимально приближены к действительности и нацелены на иносказательную критику существующего общественного порядка [Акименко 2004: 52]. При этом доминирующая в них персуазивная стратегия выражается в форме косвенного убеждения с помощью имплицитной оценки героя – глупца (BRUDER LUSTIG, DAS BÜRLE) или мудреца (DER HEILIGE PETRUS). В сказочных текстах этого типа особую продуктивность обнаруживают концепты с четко выраженной ценностной компонентой GLÜCK / СЧАСТЬЕ, FROMMHEIT / НАБОЖНОСТЬ, TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ, REICHTUM / БОГАТСТВО, SÜNDE / ГРЕХ и др., а также их комбинации с элементами концептуального домена КУЛЬТУРА – “профессия” (*Der Schneider band sich den Gürtel um den Leib und wollte in die Welt hinaus, weil er meinte, die Werkstätte sei zu klein für seine Tapferkeit* [Grimm, e-doc]), “пища” (*Also lief es noch einmal in den Keller, tat einen ehrbaren Trunk,*

und aß das eine Huhn in aller Freudigkeit auf [Grimm, e-doc]), “торжество” (...*und ward die Hochzeit gehalten mit großer Glückseligkeit* [Grimm, e-doc]).

4. Выводы. Подводя итог, отметим, что концептуальное пространство немецкого сказочного дискурса имеет упорядоченный, системный характер и формируется четырьмя концептуальными доменами – человек, природа, культура и хронотоп, каждый из которых структурируется определенным набором гипо- и катаконцептов. Актуализируясь в сказочных текстах как мета-, авто- или аллохтоны, ментальные единицы обнаруживают определенную сочетаемость, обусловленную их когнитивно-семантическими параметрами, с одной стороны, и коммуникативными стратегиями дискурса, – с другой. В анималистических сказках преобладают конфигурации гендерных концептов с зоологическими (MANN / МУЖЧИНА – HAHN (FUCHS) / ПЕТУХ (ЛИС), FRAU / ЖЕНЩИНА – HUHNER (GANS) / КУРИЦА (ГУСЫНЯ), в волшебных – когнитивные сценарии с автохтоном ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО (ZEIT / ВРЕМЯ – ZAUBER / ВОЛШЕБСТВО – HEXE / ВЕДЬМА – KÖNIGSSOHN / ПРИНЦ – WALD / ЛЕС), а профиль бытовых сказок образуют комбинации валоративов с концептами домена КУЛЬТУРА (TAPFERKEIT / СМЕЛОСТЬ – SOLDAT / СОЛДАТ, REICHTUM / БОГАТСТВО – GELD / ДЕНЬГИ, GLÜCK / СЧАСТЬЕ – HOCHZEIT / СВАДЬБА).

Перспективным представляется изучение лингвокультурных типажей немецкого сказочного дискурса, их образно-ассоциативного фона и ментального окружения с целью экстракции глубинных этнопсихологических установок, интериоризированных в концептосфере немецкого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко Н.А. Лингвокультурные характеристики англоязычного сказочного дискурса : автореф. дис. ... канд. филолог. наук : 10.02.04 / Н.А. Акименко / Волгоградский гос. ун-т. – Волгоград, 2005. – 20 с.
2. Акименко Н.А. Стратегии англоязычного сказочного дискурса / Н.А. Акименко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.lib.kalmsu.ru/text/TRUD/Akimenko_NA/p001.pdf.
3. Белозьорова Ю.С. Когнітивно-дискурсивна концептуалізація часу в сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ю. С. Белозьорова / Запорізький нац. ун-т. – Запоріжжя, 2005. – 22 с.
4. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М. : Либроком, 2009. – 288 с.
5. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Перев. с фр. Л. Зиминной. – М. : Академический проект, 2004. – 368 с.
6. Єремєєва Н.Ф. Концептуальний простір англійської народної казки : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Н.Ф. Єремєєва / Київськ. держ. лінгвіст. ун-т. – Київ, 1997. – 20 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

8. Карпов В.А. Язык как система / В.А. Карпов. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
9. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.
10. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М. : Владос, 1996. – 416 с.
11. Мечковская Н.Б. Семиотика : Язык. Природа. Культура / Н.Б. Мечковская. – М. : Академия, 2007. – 432 с.
12. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М. : НВИ : Тезаурус, 1997. – 158 с.
13. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 334 с.
14. Пропп В.Я. Морфологические корни “волшебной” сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 512 с.
15. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г.Г. Слышкин / Волгоградск. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 32 с.
16. Шевченко И.С. Дискурсообразующие концепты викторианства: скромность ханжество / И.С. Шевченко // Когниция. Коммуникация. Дискурс. – 2010. – № 2. – С. 73-84.
17. Grimm Brüder. Kinder und Hausmärchen [Электронный ресурс] / Brüder Grimm. – Режим доступа : <http://www.gutenberg.spiegel.de>.
18. Zipes J.D. Fairy tails and the art of subversion / Jack David Zipes. – NY : Heinemann Educational Books, 1983. – 194 p.

Елена Сергеевна Путий, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры немецкой филологии и перевода Запорожского национального университета; e-mail: lana.puty@gmail.com.

УДК 811.161.2

**НОМИНАЦИЯ И КОГНИЦИЯ:
 НОВАЯ ТИПОЛОГИЯ
 МОТИВАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
 Е.А. Селиванова (Черкассы, Украина)**

Е.А. Селиванова. Номинация и когниция: новая типология мотивации языковых единиц. В статье обосновано новую концепцию мотивации как сквозной лингвокогнитивной операции, результатом которой является формирование ономасиологической структуры знака в проекции на структуру знаний об обозначаемом. Предложены новые параметры типологизации мотивационных отношений: статус мотиватора в структуре знаний, их рациональность / иррациональность, прецедентность / непрецедентность. Охарактеризованы механизмы и разновидности пропозитивной, ассоциативно-терминальной, модусной и смешанной мотивации; природа мифологемной и прецедентной мотивации.

Ключевые слова: мотивация, когниция, пропозиция, метафора, модус, мифологема, прецедентный феномен.

О.О. Селіванова. Номінація та когніція: нова типологія мотивації мовних одиниць. У статті обґрунтовано нову концепцію мотивації як наскрізної лінгвокогнітивної операції, результатом якої є формування ономасиологічної структури знака в проекції на структуру знань про позначене. Запропоновано нові параметри типології мотиваційних відношень: статус мотиватора у структурі знань, їхня раціональність / ірраціональність, прецедентність / непрецедентність. Охарактеризовано механізми й різновиди пропозиційної, асоціативно-термінальної, модусної та змішаної мотивації, природу мифологемної та прецедентної мотивації.

Ключові слова: мотивація, когніція, пропозиція, метафора, модус, мифологема, прецедентний феномен.

O.O. Selivanova. Nomination and Cognition: a New Typology of Linguistic Units Motivation. The article focuses on the new conception of motivation as a through linguo-cognitive process resulting in the formation of the onomasiological structure projected onto the structure of the knowledge about the designated. The author suggests new parameters for the typology of motivational relations, such as the status of a motivator in the knowledge structure, the rationality / irrationality and precedent-based character of the knowledge. The mechanisms and the varieties of propositional, associative-terminal, evaluative, and mixed motivation, as well as the nature of mythological and precedent-based motivation is described.

Key words: motivation, cognition, proposition, metaphor, modus, mythologeme, precedent phenomenon.

1. Актуальность исследования.

Одна из актуальных проблем современного словообразования и теории номинации – изучение мотивационных механизмов, проявляющихся на вербальном уровне в структурно-семантических связях между производными и производящими единицами языковой системы, на когнитивном уровне – в различных способах языковой репрезентации концептуальных реляций синергетической системы этносознания. Анализ мотивации номинативных единиц эксплицирует их когнитивную проекцию на структуры знаний об обозначаемом, процедуры получения, обработки и переработки информации, приобретенной чувственно-эмпирическим путем, внутренней мыслительной рефлексией во взаимодействии с бессознательными процессами. Язык, по мнению исследователей, является “наилучшим окном в знание”: “он наблюдаем, подлежит анализу”, “предлагает неплохую возможность анализировать знание” [Chafe 1987: 109]. Отстаивая актуальность исследования проблемы языковой репрезентации сознания, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что лингвистов и когнитологов объединяет задача извлечь из собственно языкового материала как можно больше сведений о нем самом, и о том, что стоит за этим материалом [Кубрякова 2004: 53], то есть о структурах сознания и когнитивных процессах.

2. Постановка проблемы. Цель исследования.

Понятие мотивации возникло в словообразовании и рассматривалось как эквивалент формальной и семантической производности слов, то есть как процесс формирования семантической и формальной связи производного слова с производящим в пределах знакового кода языковой системы. Несмотря на множественные толкования словообразовательной мотивации, ее дефиниция остается дискуссионной проблемой дериватологии. Различные определения этого термина различаются как ключевым словом, положенным в основу, так и аспектом, который он охватывает. Опорными словами дефиниций мотивации избраны процесс, результат или явление. Наряду с мотивацией в лингвистике функционируют термины “мотивированность”, “мотивирование”, “мотивировка” и “мотивизация”, обычно отождествляемые с мотивацией. Однако введение в научный оборот данных понятий лишь осложняет проблему и не вносит ничего нового в анализ мотивационных процессов. К примеру, мотивацией, мотивированием обозначают процесс, “одну из сторон процесса деривации, особую форму функционирования слова (деривационно-мотивационный процесс)” [Голев 1989: 3]. Мотивированность и мотивировка рассматриваются в этом случае как результат такого процесса исходя из внутренней формы как средства мотивации [Кияк 1988: 77].

Мотивированность и мотивацию соотносят с синхронным признаком слова, свойственным всем производным словам, хотя, по нашему мнению, перспективными представляются концепции дериватологов, отмечающие возможность изучения словообразовательной мотивации в двух аспектах – диахронном и синхронном. На наш взгляд, разграничение понятий исторической и синхронной словообразовательной мотивации является достаточно важным: оно масиологическая структура слова формируется на базе словообразовательных и семантических отношений в языковой системе, отражающих связи различных элементов и функций сознания, а в процессе языковой и “когнитивной” эволюции подлежат изменению как языковые связи, так и когнитивные реляции. И.С. Торопцев подчеркивал, что внешняя мотивированность имеет не очень значительную глубину и стойкость. Если мотивированное слово теряет словообразовательную связь с мотивирующим, то есть деэтимологизируется, то оно теряет свой мотивированный характер [Торопцев 1974: 33]. Исследование мотивационных изменений дает возможность углубить представление об эволюционных “челночных” операциях концептуальной и языковой картин мира, об изменении внутренней рефлексии и восприятия действительности носителями языка, о динамике категоризации и концептуализации и их языкового обозначения. И.С. Улуханов постулирует интеграцию описания диахронной и синхронной мотивации слов, что, по его мнению, является менее распространенным, чем их изолированный анализ, и более перспективным и необходимым, поскольку она способствует проявлению взаимодействия, соотношения этих процессов, а также отслеживанию общих тенденций номинации [Улуханов 1992: 8-20].

Дефиниция мотивации зависит также от аспектов ее рассмотрения. Сначала мотивацию трактовали в формально-структурном аспекте как выбор языкового материала для обозначения признака предмета из уже имеющегося в языке состава морфем (В.А. Звегинцев, А.И. Смирницкий). Начиная из середины XX века толкования мотивации получили семантический вектор в связи с разработкой русским исследователем Г.О. Винокуром методики словообразовательного анализа и критерия установления производности на семантической основе. Соединение структурного и семантического аспектов наблюдается в работах многих дериватологов. Например, О.И. Блинова определила мотивацию как “структурно-семантический признак слова, который дает возможность осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности” [Блинова 1976: 26]. До 80-х годов XX ст. мотивация устанавливается преимущественно на базе генотипов производных слов – синтаксических структур (словосочетания, предложения, мотивирующей синтагмы, суждения, дефиниции и т. п.) в соответствии с доминирующей в словообразовании концепцией синтаксической природы деривации. Во фразеологии также была абсолютизирована концепция создания фразеологических единиц на основе свободных словосочетаний в результате вторичной номинации. В.Н. Телия подчеркивала, что соотношение

устойчивых и идиоматических сочетаний с их свободными (или гипотетически возможными) аналогами было методическим измерением как в классическом, так и в постклассическом периоде развития фразеологической науки, хотя уже в первом периоде вызревали идеи, выходящие за пределы поисков такого синтаксического соотношения [Телия 1996: 13].

Подобное положение наблюдалось и в зарубежной лингвистике, где мотивацию трактовали как результат порождения слова из синтаксической структуры согласно моделям генеративного синтаксиса, между тем позитивным моментом такого подхода исследователей стала попытка проецирования дериватов и композитов на сложные абстрактные фигуры логического синтаксиса, перифразы (Г. Брекле, Г. Марчанд, З. Вендлер, Р. Лиз и др.), что заложило основы дальнейшего перехода анализа номинации к структурам репрезентации знаний, в частности, к пропозиции, предикатно-актантным рамкам.

С середины 80-х годов XX века мотивация становится проблемой теории номинации и рассматривается несколько в ином, онтологическом ракурсе способа отображения в производном слове признаков обозначаемого объекта. Мотивация получает два плана изучения: относительный (формальная и семантическая связь между словами как знаками) и абсолютный (связь между знаками и их денотатами) [Голев 1989: 20]. Появляется новый термин для обозначения отрасли лингвистики, которая изучает мотивационные отношения в языке, – мотивология (М. Гинатуллин). Однако анализ мотивационных процессов в целом продолжает оставаться в рамках “языковая форма – значение”, не выходя за эти пределы на уровень знаний, представлений, ощущений и чувств номинаторов.

Из-за ограниченности рассмотрения мотивации лишь словообразовательной системой языка и языковой семантикой проблема типологии мотивации остается размытой, а имеющиеся в научной литературе классификации мотивационных отношений – нечеткими и непоследовательными. Е.С. Кубрякова считает, что отношения мотивации дериватов могут быть противопоставлены: 1) по уровневому статусу источника деривации, его форме и длине; 2) по механизму перехода от исходной единицы к результату и количеству необходимых для этого операций; 3) по принципу структурной организации самого словообразовательного процесса [Кубрякова 1981: 25].

В словообразовании существуют разнообразные классификации мотивации, параметрами которых служат: 1) разграничение формы и семантики мотиватора и мотивата (выделены лексическая и словообразовательная; внешняя и внутренняя мотивация); 2) уровни языковой системы, на которых устанавливается мотивационная связь (фонетическая, структурная, лексико-семантическая или фонетическая, морфологическая, семантическая мотивация); 3) принцип аналогии в словообразовательной подсистеме языка (лексический и структурный типы); 4) специфика мотиваторов в словообразовательной структуре слова (эксплицитная, усложненная и имплицитная (идиоматическая))

мотивация); 5) степень функциональности мотиваторов (полная и частичная мотивация); 6) логические отношения между семантикой слова и внутренней формой (полная, частичная, нулевая и абсолютная мотивация); 7) способ связи производного и производящего слов (ассоциативно описательная, ассоциативно сопоставительная, гипонимическая, частичная, экспрессивная мотивация).

Цель нашего исследования – обосновать новую концепцию мотивации, базирующуюся на параметрах статуса мотиватора в структуре знаний об обозначаемом, рациональности / иррациональности и прецедентности / непрецедентности информации, положенной в основу ономаσιологических структур номинативных единиц. К числу задач исследования принадлежат также установление непротиворечивой дефиниции мотивации и разработка методики ее когнитивно-ономаσιологического анализа.

3. Определение мотивации. Модель порождения номинативных единиц.

В монографии “Когнитивная ономаσιология” 2000 г. мы предложили новую трактовку мотивации как сквозной лингвопсихоментальной операции формирования ономаσιологической структуры номинативной единицы на основе выбора мотиватора (-ов) из мотивирующей базы структуры знаний об обозначаемом в сложной системе связей различных познавательных функций этносознания. Активация таких связей обусловлена или интериоризацией относительно объективных признаков обозначаемого, или их ассоциативно образным, оценочным, парадоксальным восприятием номинаторами [Селиванова 2000: 153-180]. Данная дефиниция мотивации исходит из разработанной нами модели порождения (продуцирования) номинативных единиц, имеющей такие операционные этапы: I – этап апперцепции (психонетический), в результате которой устанавливается представление об обозначаемом; II – интериоризации (когнитивный), сопровождающейся формированием понятия и концептуальной структуры обозначаемого; III – внутреннего программирования (превербальный), характеризующегося установлением мотивирующей базы будущего наименования: синтактикоподобной структуры или ассоциативной цепи; IV – селекции (номинативно-вербальный), т. е. выбора мотиваторов из мотивирующей базы и формирования ономаσιологической структуры. Базовые постулаты для построения данной модели таковы: 1) мышление не является единственным познавательным механизмом для человека: огромную роль в познании обозначаемого предмета, явления или понятия играют относящиеся к психонетической сфере когнитивные функции ощущений, чувств, интуиции и трансценденции, а также бессознательные процессы; 2) знание об обозначаемом приобретается человеком путем индивидуальной или коллективной познавательной деятельности на основе обработки эмпирических данных, полученных из мира действительности, или упорядочения внутреннего рефлексивного опыта, который не имеет непосредственной проекции на

действительность; 3) ономаσιологическая структура наименования может иметь первичный или вторичный характер: в первом случае она является новой в языке, хотя и созданной на базе имеющихся в языке морфем и моделей; во втором – уже имеющееся в языке наименование получает новое содержание; 4) языковой знак произволен относительно обозначаемого и не отображает его, а лишь конвенционально замещает в кодовой системе языка; при этом относительно других знаков в языковой системе знак является, как правило, неслучайным и связанным с другими знаками отношениями мотивированности и производности; 5) выбор мотиватора и ономаσιологической структуры детерминирован внутриязыковыми закономерностями системы, процессами категоризации, стереотипизации и концептуализации мира и внутреннего рефлексивного опыта этносом, архетипами коллективного бессознательного, условиями введения наименования в речь, текст, дискурс.

4. Методика когнитивно-ономаσιологического анализа.

Главным методом исследования механизма мотивации наименований различного статуса (дериватов, композитов, устойчивых словосочетаний и фразеологизмов) служит когнитивно-ономаσιологический анализ [Селіванова 2010: 244-246], включающий два этапа: интерпретацию ономаσιологической структуры (далее – ОС) номинативной единицы и моделирование соответствующей концептуальной структуры знаний об обозначаемом, послужившей основой для выбора мотивирующей базы, мотиваторов из данной базы и формирования номинативной структуры.

Первый этап требует прежде всего установления номинативного статуса наименования. Интерпретация ОС простых производных наименований (дериватов) предусматривает выявление концептуального статуса ономаσιологического признака в соответствующей когнитивной структуре, определение импликации иных компонентов мотивирующей базы, а также функциональной нагрузки ономаσιологического базиса (форманта) или деривационной модели, специфики грамматического и акцентологического оформления знака. При интерпретации ОС композитов необходимо также установить когнитивную основу соотношения между мотиваторами и базисом. Интерпретация ОС составных наименований, в частности, и фразеологизмов, требует выявления когнитивной и грамматической связи между ономаσιологическими признаками и типа синтаксической модели, служащей ономаσιологическим базисом.

На втором этапе осуществляется моделирование структуры знаний об обозначаемом в виде модели ментально-психонетического комплекса (далее – МПК). Выбор данного термина продиктован необходимостью дополнения менталистской ориентации современных когнитивных исследований новым перспективным аспектом – психонетическим, который разрабатывался в психолингвистике, психологии, психоанализе и т.п. Попытки реализации этого принципа в трудах А.А. Потебни, В. Вундта, К. Бюлера, М.М. Бахтина,

Л.С. Выготского, К. Леви-Стросса, Ж. Лакана, Р. Барта, В.В. Налимова, О.Г. Бахтиярова и др. привели к интересным выводам и весомым результатам. МПК исходит из юнговского принципа интеграции в познавательных процессах сознания как психофункционального континуума пяти познавательных функций: ощущений, чувствований, мышления, интуиции и трансценденции – с коллективным бессознательным [Юнг 1996]. Выбор структуры МПК предопределен, во-первых, коннекционной природой знания, главным принципом использования которых является активация – возбуждение определенного участка нейронов коры головного мозга в когнитивных процессах; во-вторых, отказом от абсолютизации мышления как единственного познавательного механизма человека. В-третьих, МПК имеет синергетическую системную природу, организован на основе взаимной детерминированности различных функциональных модулей сознания и интегрирован со знаковыми, грамматическими, прагматическими ресурсами естественного языка, способствующими переводу информации разных типов в языковой формат. МПК представляет собой образец тотальных моделей, которые “охватывают одновременно множество самих разных аспектов анализируемого предмета”, являются “продуктом объемного мышления”, которое “содержит и компоненты фонового мышления, и процедуры соотношения фигуративного и фонового мышления с невидимым” [Бахтияров 1997: 103-104]. Компонент мышления, взаимодействующий с ощущениями, чувствованиями, интуицией, трансценденцией посредством формирования образов, организует ментальный лексикон.

Ядро МПК представлено пропозициональными структурами – мыслительными аналогами ситуаций, характеризующимися относительной объективностью, внутренней непротиворечивостью и вербализованными словами в прямых значениях. Экспериментально доказано, что “долговременная память человека является большой сеткой взаимно перекрещенных пропозициональных деревьев, каждое из которых содержит определенный набор узлов памяти с многочисленными связями” [Кубрякова и др. 1996: 134]. Дж. Лакофф подчеркивал, что “большая часть структуры нашего знания имеет форму пропозициональных моделей, а их особенностью является то, что они выделяют элементы, предоставляют им характеристики и указывают на связи между ними” [Лакофф 1996: 31]. Транспонированная в лингвистические студии позитивистом Б. Расселом, пропозиция основывалась на положении об относительной объективности человеческого восприятия мира как такая, которая отвечает истинному положению дел в мире. Дж. Лакофф как специалист в отрасли когнитивной семантики, отстаивающей феноменологическую эпистему, предостерегал от “объективистского привкуса” пропозициональных структур: хотя они и содержат реально существующие отношения, они являются результатом интериоризации человеком действительности, то есть “когда человек осознает свой опыт, проецируя на

него пропозициональные модели, он накладывает на мир объективистскую структуру” [Лакофф 1996: 177].

Неограниченность предметов, событий, явлений реального мира, их участников противостоит нехватке соответствующих языковых наименований в прямых значениях, а также специфике их осознания носителями языка. Это противоречие устраняется использованием знаков, предметов, событий, явлений из иных областей по принципу аналогии, уподобления. Компоненты пропозиции получают переносные обозначения путем интеграции с другими концептуальными областями, что отображается в наличии нелинейных пропозициональных структур обозначения одной ситуации. Такие межконцептуальные связи и чужеродные знаки фиксируются в терминальном компоненте МПК, коррелирующем с пропозициональным ядром, что обусловлено использованием различных механизмов сознания человека, например: синестезии, образного восприятия предмета или явления, симуляции сценариев, корреляции с архетипами коллективного бессознательного.

МПК интегрирует пропозициональные структуры и терминальную часть с модусом – оценочно-эмотивным компонентом, исходящим из ощущений, чувствований и эмоций, – и концептуальным планом как прагматической составляющей, контролирующей соответствие концептуальной информации условиям номинативного или коммуникативного актов. Наличие последнего компонента можно объяснить словами Е.С. Кубряковой: “трудно сказать, где кончается собственно лексикон и где начинается область существования оперативных механизмов речи, – они неразрывно связаны между собой, лишь совместно обеспечивают нормальное протекание речевой деятельности – процесса, который постоянно черпает необходимые для этого данные из человеческой памяти” [Кубрякова 2004: 370].

Конечной целью когнитивно-ономасиологического анализа является установление механизма и типа мотивации номинативных единиц на основе двухвекторного подхода: от ономасиологической структуры к структуре знаний об обозначаемом и наоборот, – обеспечивающего проверку достоверности избранной концептуальной модели. Методика когнитивно-ономасиологического анализа успешно апробирована на различных классах номинативных единиц русского, украинского, английского, немецкого и французского языков автором статьи и представителями его научной школы. Нами исследованы мотивационные отношения в массиве дериватов и композитов русского и украинского языков, фразеологизмов и терминологических наименований украинского языка. Описание мотивации русских наречий представлено в диссертационной работе И.Н. Литвин, на материале украинского языка выполнены диссертации В.В. Калько (мотивация наименований лекарственных растений), Г.В. Кочерги (мотивация отсубстантивных глаголов), Г.А. Ярмоленко (мотивация отглагольных существительных), И.И. Казимир (мотивация наименований птиц). Мотивация английских номенов насекомых и млекопитающих послужила предметом диссертаций О.В. Коноваловой и

Н.С. Рыбалки. Мотивация французских гастронимов охарактеризована в работе Я.В. Браницкой. Данная концепция мотивации положена в основу выполняющихся сейчас диссертаций на материале немецкого языка (С.С. Богуславский, А.С. Рышкова, С.А. Стройкова).

5. Первый параметр классификации мотивационных отношений.

Проекция ономаσιологической структуры на модель МПК устанавливает первый параметр типологии мотивационных отношений – когнитивный статус мотиватора в структуре знаний об обозначаемом. По данному параметру дифференцируем такие типы мотивации: 1) пропозициональную, использующую знаки-мотиваторы в прямых значениях из ядра МПК; 2) ассоциативно-терминальную, которая характеризуется выбором мотиваторов метафорического статуса исходя из концептуальных связей МПК с иными предметными областями – донорскими зонами; 3) модусную, основывающуюся на оценке носителями языка знака мотиватора в корреляции с психическими функциями ощущений, чувств, архетипами бессознательного; 4) смешанную, которая интегрирует в ономаσιологической структуре мотиваторы различного статуса в модели МПК; 5) концептуально-интеграционную, базирующуюся на соединении двух концептов и их знаков. Мотивация противопоставлена псевдомотивации, характеризующейся формальным, семантически и концептуально не обеспеченным выбором мотиваторов.

Первый тип мотивации (**пропозициональный**) предусматривает выбор ономаσιологических признаков наименований из пропозиционального ядра МПК. Дж. Лакофф квалифицировал пропозиции как разновидности идеализирующих когнитивных моделей, в которых “не используются механизмы воображения” [Лакофф 1996: 177]. Пропозициональный компонент должен отвечать критериям истинности и непротиворечивости информации, воспроизводя “объективную семантическую константу” [Кобозева 2000: 259]. Исследование пропозиционально мотивированных номинативных единиц было осуществлено Е.А. Земской, О.С. Ермаковой и З. Рудник-Карват исходя из модели С. Кароляка с применением трансформационного подхода (перевода глубинной структуры в поверхностную). Исследователи охарактеризовали мотивационный потенциал позиций предиката, объекта, локатива, инструмента. Подобный анализ пропозициональной проекции некоторых классов производных слов осуществлен представителями научной школы Е.С. Кубряковой, Г.Г. Гиздатовым, Е.Г. Беляевской, Е.М. Поздняковой и др.

Пропозициональная мотивация не является однородной и по общему механизму подобна метонимии, так как в процессе номинации осуществляется перенос обозначения одного когнитивного компонента события на другой, имени класса объектов на объект этого класса, обозначения части на целое и целого на часть по смежности в пределах одной ситуации или категориальной иерархии. Как отмечают исследователи, метонимия в целом “более реалистична, чем метафора: она оперирует не образно ассоциативным

подобием, а реальной смежностью, сопоставлением обозначений или их парциальностью” [Роль человеческого фактора 1988: 181-182]. В данном типе мотивации выделены гиперонимическая, эквонимическая, категориальная, оппозитивная и предикатно-аргументная разновидности.

Гиперонимическая разновидность обычно наблюдается в смешанно мотивированных наименованиях и характеризуется выбором мотиваторов из состава гиперонимов в сети категориальных иерархических связей пропозициональных структур (англ. *Cranberry*; рус. *меч-рыба*, *белорыбица*; нем. *Gänsefleisch*). Данная разновидность актуализируется в номенклатурах различного типа с целью указания принадлежности видов к определенному классу. Так, ряд *beetles* включает семейство *ground beetles* и виды *field ground beetle*, *garden ground beetle* и *violet ground beetle*, а к ряду *bush-cricket* относятся семейство *bush-cricket* и виды *speckled bush-cricket*, *four-spotted bush-cricket* [Коновалова 2009: 76].

При эквонимической разновидности мотиватор избирается из обозначений одного уровня обобщения, зафиксированных в одном классе объектов как рубрикативы [Золотова 1988: 431]. Эквонимический уровень пропозициональных структур представляет связи между гипонимами одного класса предметов или понятий. М.В. Никитин различает гипонимы и эквонимы в зависимости от аспекта их соотношения: “Имена видовых понятий относительно общего гиперонима названы гипонимами, а друг относительно друга на том же уровне обобщения – эквонимами” [Никитин 1996: 450]. Эквонимическая разновидность прослеживается при этимологическом анализе некоторых названий животных: *слон* возникло в результате превращения давнего заимствования из татарского языка *aslan* – “лев”, *верблюд* – давнее заимствование из готского языка *ulbandus*, связанного с понятием “слон”.

Изучение мотивации украинских орнитонимов, осуществленное на базе нашей концепции, продемонстрировало активное использование эквонимов в национальной номенклатуре. К примеру, при именовании птицы ряда журавлеподобных семьи пастушковых – *курочка водяна* производится перенос базового компонента номенов куроподобных; орнитоним ряда совоподобных – *сичик-горобець* содержит компонент номенов ряда воробьеподобных. Перенос эквонимического знака происходит в пределах ряда на названия видов нескольких семей: ряд воробьиных имеет семьи суторовых (*синиця вусата*), длиннохвостых синиц (*синиця довгохвоста*) и синицевых (*ремез*); семья вьюрковых имеет вид птицы *в'юрок*, а семья воробьиных – вид *в'юрок сніговий* [Казимир 2007: 6]. В целом, как свидетельствуют исследования мотивации животных и растений в разных языках, эквонимическая разновидность позволяет интегрировать видовые названия в пределах высших уровней категоризации и дифференцировать их на самом низком уровне в классификационной иерархии номенклатурных названий.

Оппозитивная разновидность характеризуется использованием при создании наименований противоположных по семантике обозначений

с применением форманта негации, что способствует экстенсивному расширению языковых ресурсов (укр. *неправда*, рус. *неуч*). Категориальная разновидность__предусматривает дублирование когнитивной позиции мотиватора в случаях конверсии или транспозиции, опосредующих создание синтаксических дериватов (укр. *гореть* – *горение*, англ. *to sing* – *sing*). В исследовании представительницы нашей научной школы И.Н. Литвин констатируется, что наибольшую частотность категориальная мотивация русских отсубстантивных наречий приобретает в позиции творительного падежа производящих существительных на базе фиктивной субстанциональности (рус. *зимой, утром, шагом, шепотом*) [Литвин 2002: 56].

Предикатно-аргументная разновидность характеризуется выбором мотиваторов, коррелирующих с разнообразными компонентами предикатно-актантных рамок, или предикатно-аргументных структур. Мотиватор наименования может обозначать субъект, предикаты разных типов, объект, инструментив, медиатив, локатив, темпоратив, каузатив и т. п. (количество термов в концепциях разных лингвистов колеблется от 5 до 100).

В исследовании, посвященном мотивации украинских отсубстантивных глаголов, предикатно-аргументная разновидность представлена активацией термов:

субъекта (укр. *ковалювати* – “бути ковалем”, *директорувати* – “бути директором”, *ректорувати* – “бути ректором”, *суддювати* – “бути судьей”; *дощити* – “падати, йти (про дощ)”, *сніжити* – “падати, йти (про сніг)”);

объекта разных типов (*штемпелювати* – “ставити штемпель”, *вальсувати* – “танцювати вальс”, *корувати* – “здирати кору”, *дріжджувати* – “вносити в корм дріжджі”, *інтерв'ювати* – “брати інтерв'ю”, *конспектувати* – “складати конспект”);

инструментива – орудия действия (*дряпакувати* – “підпушувати землю дряпаком”; *сапати* – “підпушувати ґрунт і виполювати бур'яни, користуючись сапою”; *циклювати* – “обробляти дерев'яну поверхню підлоги циклею”; *батожити* – “бити батогом”);

медиатива – вспомогательного или непрямого способа действия (*свинцювати* – “вкривати тонким шаром свинцю поверхню металевих виробів”, *сіркувати* – “покривати сіркою”, *ваксувати* – “натирати, чистити ваксою”, *пудрити* – “вкривати пудрою”);

трансгрессива как результата каузации превращения (*мінералізувати* – “1) перетворювати у мінерали”; *леденіти* – “1) перетворювати в лід”; *католичити* – “обертати на католиків”, *порохніти* – “перетворювати на порох”);

коррелятива, устанавлюючого соответствие / несоответствие предмета другому предмету, предназначению, норме (*шаблонізувати* – “1) робити за шаблоном”, *курсувати* – “здійснювати регулярні рейси за певним курсом”, *регламентувати* – “примушувати дотримуватись певних правил, обмежень”, *абеткувати* – “розміщувати за абеткою”);

локатива – пространственного компонента (*бункерувати* – “засипати в бункер”, *шинкувати* – “торгувати в шинку”, *сторонитися* – “рухатися вбік”, *бокувати* – “ухилитися від когось, чогось”);

темпоратива – показателя времени (*веснувати* – “виконувати весняні роботи”, *вікувати* – “проживати свій вік”, *термінувати*² – “навчатися певний час у ремісника”);

финитива – компонента цели (*фільмувати* – “знімати стрічку для фільму”, *зяблювати* – “орати на зяб”);

каузатива – компонента причины (*штилювати* – “стояти через штиль”) [Кочерга 2003: 10].

Второй тип мотивации (**ассоциативно-терминальный**), в отличие от пропозиционального, по общему механизму является метафорическим. Метафоризация служит наиболее продуктивным креативным средством обогащения языка, способом языковой экономии, семиотической закономерностью, заключающейся в использовании знаков одной концептуальной области для обозначения другой [Lakoff 1980], подобной ей в каком-либо отношении или ассоциируемой с ней. Метафора отрицает принадлежность объекта к тому классу, в какой он в действительности включен, и утверждает его вхождение в категорию, к которой он не может быть отнесен рационально [Арутюнова 1990: 17]. Данный тип мотивации имеет несколько разновидностей в зависимости от способа взаимодействия донорской и реципиентной зон в процессе означивания: структурно метафорическую, диффузно-метафорическую, гештальтную, сенсорную и архетипическую.

Структурно-метафорическая разновидность характеризуется интеграцией областей источника и мишени на основе одного смежного семантического признака. В данном случае терминал структуры знаний об обозначаемом получает знак иного концепта и формирует реляцию с соответствующим пропозициональным компонентом этой структуры (например, укр. глагол психического состояния *сполотніти* мотивируется существительным *полотно* на базе смежного понятия “белый”, что воспроизводится в семантической структуре этих слов в виде дифференциальной семы: *сполотніти* – “побіліти, збліднути”; рус. наречия *хором*, *залпом* расширяют значения за счет структурной метафоризации на основе смежных компонентов “все вместе” и “быстро”, коррелирующих с показателями собирательности и качества в соответствующих пропозициях).

Диффузно-метафорическая разновидность основывается на диффузной интеграции ассоциативных комплексов (ореолов) или уподоблении сценариев: укр. *зоряний (час)*, *хмарочос*; рус. *афишировать* – “выставлять что-либо напоказ, привлекать внимание к чему-либо”; рус. *жирянка* – “род многолетних насекомоядных растений, его листья покрыты железками, выделяющими слизистое вещество, к которому прилипают насекомые и пищевые ферменты”; англ. номен млекопитающего *pilot whale* обусловлен интеграцией поведения животного и лодки (“The name *pilot* derives from its habit of swimming line

astern with one individual in the lead”) [Рибалка 2010: 154]. Номенклатурное имя насекомого *geometer* создано на основе уподобления способа его движения профессиональной деятельности человека: “The name *Geometer* refers to the means of locomotion of the larvae or caterpillars, which lack most of the prolegs of other *Lepidopteran* caterpillars. Equipped with appendages at both ends of the body, a caterpillar will clasp with its front legs and draw up the hind end, then clasp with the hind end (prolegs) and reach out for a new front attachment – creating the impression that it is measuring its journey” [Коновалова 2009: 135].

Гештальтная разновидность использует мотиваторы – знаки других концептов – исходя из подобия зрительных, слуховых, одоративных, тактильных, вкусовых гештальтов: рус. *козлобородник* – “растение имеет плод с перистым хохолком, подобным бороде козла”; *змееголовник* – “растение с цветами, похожими на голову змеи”; *канюк* – “птица, пением напоминающая плач”; *пересмешиник* – “птица, копирующая разные звуки, в том числе смех”; укр. фраземы *пекти руку* – “викликати докори сумління, почуття сорому, переживання”; *слухати джмелів* – “гудіти, шуміти в голові (перев. від удару)”. Французский гастроним *brick de riz au lait* содержит ономаσιологический признак *brick*, обеспечивая тем самым гештальтное подобие блюда зрительному образу парусного судна [Браницька 2008: 34].

Сенсорная разновидность базируется на синестезии – психологическом процессе возникновения одного ощущения под влиянием неспецифического для него раздражителя другого. В языке синестезия проявляется в использовании знаков одних ощущений для именованя иных, к примеру, слуховых для зрительных (укр. *гучні кольори*, рус. *кричащая одежда*), соматических для зрительных (рус. *теплые цвета, тяжелый блеск, холодные тона*), зрительных для одоративных (укр. *яскравий запах, різнобарвний аромат*), вкусовых для слуховых (укр. *солодкий спів, гірко це чути*). На примерах синестетических метафорических переносов А. Барселона демонстрирует первичные процессы метонимии, которые послужили базой таких метафор. Исследователь считает, что перенос знака звука на цвет вызван в первую очередь чувственным стимулированием звуковыми ощущениями человека зрительных, что может рассматриваться как ментальный доступ одних ощущений к другим в пределах одной концептосферы, а значит, квалифицироваться как первичная метонимия [Barselona 2000: 36-44].

Архетипическая разновидность задействует корреляцию метафорических мотиваторов с архетипами – первичными врожденными элементами родовой памяти, исторического прошлого этноса, человечества, их коллективного бессознательного. Механизм такой метафоризации опосредован сложным ассоциированием, к примеру, в укр. фраземе *спіңці сватають* значение “хто-небудь хоче спати або починає дрімати” базируется на ассоциативной аналогии *слепой – не видеть – дремать*, а также на связи с архетипами *свой / чужой: сватать – желать взять в семью – ввести в круг своих – уподобить себе*. Архетипическую природу метафоризации представляют наименования

кругового движения во фразеологизмах со значениями иррациональности мышления, поведения человека, потери сознания, слабости, боли, даже безумия, обусловленных проекцией круга на действия нечистой силы: укр. *обкрутити (обмотати, обернути) круг пальця* – “1. Спритно обдурити, перехитрити кого-небудь”; *крутити голову* – “2. Поводити себе нечесно по відношенню до кого-небудь; дурити, обдурювати”; *крутити веремію; крутити харамана*.

Третий тип мотивации – **модусный** – характеризуется выбором мотиватора исходя лишь из его оценочного компонента, иные семантические признаки данного ономаσιологического признака неактуальны для формирования семантики мотивированного наименования. Модусная мотивация базируется на различных познавательных функциях сознания: сенсорных механизмах, эмоциональном восприятии, мыслительной рациональной обработке – и использует оценочные стереотипы, культурную символику, а также аксиологически заряженные архетипы коллективного бессознательного. Модусный компонент, коррелируя с мыслительной сферой, представляет рациональную оценку, а его связь с психическими функциями ощущений и чувств формирует сенсорный и эмоциональный (аффективный, эмотивный) типы оценки [Арутюнова 1988: 84-86].

Исследователи словообразовательной мотивации практически игнорировали роль оценки в процессах номинации. Между тем оценочные компоненты чрезвычайно активны в деривационных актах. В частности, использование оценочности сенсорных обозначений обусловлено, по мнению Н.Д. Арутюновой, бедностью и недискретностью сенсорной семантики (за исключением воспринятых зрением объектов), ее отделенностью от концептуальных систем и значимостью для человека оценочной характеристики ощущений и впечатлений [Арутюнова 1988: 85]. Оценка может коррелировать с пропозициональной информацией. К примеру, укр. диалектное название птицы *воняк* (удод) обусловлено резко неприятным запахом мяса удода и его неряшливого гнезда; укр. орнитоним *поганка* является синонимом многих номенклатурных названий птиц – *черні білоокої, норця сірощого, норця червоношиюго*, имеющих неприятный привкус мяса. Непосредственно прямыми значениями передается оценка в украинских наименованиях растений *вонега, вонечник* (шавлія залозиста), *вонючка* (хрінниця смердюча), *пахало, паханка* (любисток лікарський), *пахучка* (маренка запашна), *смердючка* (валеріана лікарська), *смородина, смород, смородюх* (смородина чорна) [Калько 2003]. Интеграция модуса с ассоциативно-терминальной частью МПК, основанная на оценке ощущений характерна для метафорических значений украинских глаголов *квасити* – “робити кого-небудь в’ялим, кислим, незадоволенням”; *перчити* – “лаяти кого-небудь”, *насолити; насолоджуватися* и т. п.

Рациональная оценка, базирующаяся на стереотипах этносознания, положена в основу оценочных наименований человека – результатов вторичной номинации: укр. *рибка, пташка, лебідка, ластівка, сокіл* и под. (положительная

оценка); *свиня, собака, гадюка, акула, курка, стерж'ятник, шуліка, крук* (негативная оценка). Мотиватор модусного типа может фиксировать этнический гетеростереотип – оценку представителей определенного этноса чужими. Так, слово *скотч* вовсе не отражает приоритет его изобретения шотландцами, в основу данного названия положен гетеростереотип шотландской скупости, так как первый скотч, изобретенный американцем, был лентой, проклеенной только по краям, что создавало значительные неудобства при его использовании. Перенос негативной оценки реалии на негативно воспринимаемую американцами скупость шотландцев послужил мотивирующей базой наименования.

Модусно мотивированными являются лексемы и фраземы, ономазиологическими признаками которых служат знаки векторов пространственной ориентации, базирующиеся на ориентационной метафоре и архетипах коллективного бессознательного [Lakoff, Johnson 1980: 5]: рус. *унижение, левые деньги, правое дело, высокие мысли, на заднем плане, передовые идеи* и т. п. Оценочная оппозиция архетипа *свой / чужой* опосредует мотивацию украинских фразеологизмов: *як риба з водою* – “1. Дружно, мирно, у злагоді”; *як полоник між ложками* – “не в своє середовище, між чужих”; *сидіти на чужому возі* – “бути позбавленим чого-небудь свого або бути залежним від когось”; *ні сват, ні брат* – “зовсім чужа людина”; *не нашого пір'я пташка*; *птаха не нашого польоту* – “людина з іншого кола, іншої суспільної ваги” [Селіванова 2004: 214-231].

Сочетание в ономазиологической структуре мотиваторов различного статуса в структуре знаний об обозначаемом представляет **смешанный** тип мотивации: рус. *волнорез* – “гидротехническое сооружение для ограждения рейда, гавани, подхода к морскому каналу от действия волн”; рус. *вишневый слоник* – “жук, вредитель вишни, черешни, сливы, абрикоса, алычи”; англ. номен *melon-headed whale* – “Its head shaped like a rounded cone giving the animal its common name”; укр. орнитонимы *серпокрилець білочеревий* – “у природі визначаються за короткими ніжками і довгими вузькими крилами, схожими на серп у польоті”; *шилодзьобка* – “чималі кулики з довгими ногами, тонким, трохи загнутим догори дзьобом”. Данные примеры иллюстрируют интеграцию мотиваторов пропозиционального и ассоциативно-терминального статуса.

Концептуально-интеграционный тип мотивации опосредует создание нового наименования путем суммарной композиции, то есть сочетания названий двух предметов или понятий, причем в структуре знаний об обозначаемом смешиваются их некоторые признаки, формируя новый концепт: укр. *тернослив* – “гібрид сливи й терну”; *азбестоцемент* – “будівельний матеріал, що виготовляється з водної суміші азбесту й цементу”; рус. *вагон-ресторан, овцебык, индоутка* и т. п.

Мотивация противопоставлена **псевдомотивации**, характеризующейся произвольной связью между значением ономазиологических признаков и содержанием номинативной единицы. Ф. де Соссюр говорил о том, что не

существует языков, где нет ничего мотивированного; но невозможно себе представить и такой язык, где мотивированным было бы все, между двумя этими границами существуют всяческие разновидности. Псевдомотиваты не отождествляются с немотивированными знаками, поскольку имеют условный, формальный мотиватор и парадоксальную внутреннюю форму. Причиной псевдомотивации является выход из употребления исходного, первичного мотиватора. Псевдомотивация может возникать на фоне аффективности номинации: номинаторы избирают для именованной любой знак с целью придания речи особой экспрессивности, стилистической окрашенности: рус. *перебукетить* – “испортить”, *засандачить*, *огорошить*; укр. *спосудитися* – “діал. пощастити, поталанити”; *тарганити* – “діал. тягнути, волокити”; *ковбасити* – “2) довго, погано виконувати якусь роботу”; *напосудитися* – “1) підготуватись іти або їхати кудись; 2) насупитись”; *потуманити* – “1) швидко піти”; *підсокиритися* – “піддобритися, здобути довіру”.

6. Второй параметр классификации мотивационных отношений.

По параметру рациональности / иррациональности нами выделены рациональная и мифологемная мотивация [Селиванова 2010: 46-54]. Мифологемная мотивация характеризуется апелляцией номинаторов к иррациональной информации, к фиктивным, но устоявшимся в сознании идеям, которые безоговорочно принимаются на веру этнокультурной общностью и не требуют доказательств или опровержения, в которые верят и должны верить все члены определенного сообщества [Водак 1997: 23]. Мифологемная информация формирует в этносознании не менее значимый, чем рациональный, иррациональный возможный мир, определяющий нормы и ценности, культурные предпочтения этнического сообщества, обеспечивающий его самосохранение и развитие, этническую идентичность. Такой возможный мир сформирован мифологическим сознанием народа преимущественно на базе наглядно-чувственного восприятия действительности. Миф является некритически воспринятым смыслом, более сильным для этноса и отдельного человека, чем рациональное, ибо он основывается на самой мощной силе, способной противостоять любым фактам, – вере [Шейгал 2004: 135-136].

Существование иррационального мифа на фоне рационального мышления можно объяснить психологическим феноменом двоемыслия, при котором человек способен не только придерживаться двух мыслей, которые взаимно исключают друг друга, но и верить обеим. Этот процесс является одновременно сознательным и бессознательным, ведь человек должен избавиться от ощущения вины за сознательную неправду, а факты использовать или как подтверждение одной из мыслей, или в случае неудобства для себя фактов автоматически забыть о них. Так же происходит и использование мифов: они извлекаются из сознания, когда человек неосознанно отбрасывает все факты, противоречащие мифу. Обращение к мифам осуществляется в критические моменты жизни человека, периоды нестабильности, опасности, социальной

незащищенности и неуверенности, когда человек отбрасывает рациональное, чтобы оправдать собственную несостоятельность, противодействовать жизненным обстоятельствам, объяснить себе или другим собственные нерациональные действия, успокоить свою совесть и т. п.

Человек обращается к мифам и в повседневной жизни по традиции пращуров в надежде на вознаграждение благосостоянием, семейным счастьем, хорошим урожаем, успехом в делах. Такие мифологические представления, отображая вековой опыт народа, представляют собой результат гипертрофированного, основанного на фантазии и суевериях восприятия народным сознанием этого опыта. Так, поверьем обусловлено использование мотиваторов в украинском диалектном наименовании птицы *козодій*: ночью эта птица вроде бы высасывает молоко коз. С народными приметами мифологической природы связаны и диалектные орнитонимы: укр. *послотюх* (номенклатурное название – *сивка золотиста*) производное от *слота* – “сльота, дощова погода”; название базируется, очевидно, на представлении о том, что птица криком предвещает дождливую погоду; *вільга, цвіль, вольга* в одной из версий происходят от прилагательного *wilgi* – “влажный” (считается, что птица предвещает дождь, ср.: нем. *Regenpfeifer* – букв. “дождевой свистун”).

Мифологемная мотивация может соотноситься со всеми типами мотивации, выделенными по параметру статуса мотиватора в структуре знаний об обозначаемом. Миф пропозициональной природы является непротиворечивым, хотя и констатирует неверифицируемую информацию об обозначаемом. Например, название растения *чертополох* мотивировано пропозицией “трава отпугивает нечистую силу, чертей”. Чертополохом окуривают хлев, чтобы убереечь скот от сглаза, болезней. Первые мотиваторы народных названий растений *сон-трава, разрыв-трава* также пропозиционально мотивированы: сон-траву нужно класть под подушку, так как что приснится, то и сбудется, а разрыв-трава разрывает любой металл, замки подземелий, охраняемые нечистой силой.

Ассоциативно-метафорическую природу имеют мифологемно мотивированный энтоним *pharaoh's ant*, основывающийся на сравнении агрессивного поведения насекомого и всемогущества египетских фараонов: “The name possibly arises from the mistaken tradition that it was one of the plagues of ancient Egypt”; а также мотиватор *fairy* номена млекопитающего *pink fairy armadillo* – “an imaginary supernatural being, usually represented in diminutive human form and characterized as clever, playful, and having magical powers”. Корреляция мифологемной мотивации с модусной наблюдается во фраземах с зоонимическим компонентом, в которых та или иная оценка животных является результатом иррациональной стереотипизации. Так, подсознательно негативная оценка собаки отображена в украинских фразеологизмах: *піти на пси* – “пропасти марно, безрезультатно”; *пуститися на пси* – “утратити своє добро, повагу до себе, добре ім'я, зовсім зубожіти, зникчємніти”; *продати очі псові* – “зробитися безсоромним, утратити гідність задля якоїсь вигоди, користі”; *хоч*

на собаку вилий – “дуже несмачний (про рідкі страви і напої)”; *хвіст собачий* – “той, хто нічого не важить у суспільстві” и т. п.

7. Третий параметр классификации мотивационных отношений.

По параметру прецедентности разграничены непрецедентная и прецедентная мотивация. Прецедентная мотивация характеризуется выбором мотиваторов, обозначение и содержание которых хорошо известны представителям определенной этнокультурной общности, весомых и актуальных в когнитивном и коммуникативном плане. Такие компоненты этносознания названы прецедентными феноменами. Прецедентные феномены являются составляющими лингвокультурной компетенции – способности носителей определенной этнической культуры и языка опознавать в языковых единицах и речевых продуктах культурно значимые установки и нормы, ценностные ориентиры, культурные коды и возможности их метафорической переинтерпретации, а также организовывать свое коммуникативное поведение в соответствии с этими культурными знаниями. Лингвокультурная компетенция определяет самоидентификацию человека как представителя определенного этноса и носителя соответствующей культуры, то есть параметры этничности и культурной идентичности как осознания человеком своей принадлежности к определенной культуре путем признания ее ценностей, норм, идей, приоритетов, вкусов, традиций и т. п., отождествление себя с культурными образцами, что позволяет ориентироваться в определенной социокультурной среде, упорядочивать собственную жизнедеятельность, предвидеть ее последствия, избирать тот или другой тип, манеру и форму общения.

Прецедентная мотивация присуща, к примеру, названиям блюд. Так, название пирога *любка* связана с прецедентным мотиватором *Люб*, который в славянской мифологии квалифицировался как дух-охранник молодых, имел вид мохнатого, золотоволосого кота, который должен был отгонять от спальни Нелюба – черного, злого кота. Любки представляют собой круглые оладьи, в центре которых запекается кусок теста в виде гриба, ассоциирующиеся с половыми органами мужчины и женщины. Любки ставят около кровати молодых для угощения кота Люба. В массиве французских гастронимов прецедентные мотиваторы занимают одно из ведущих мест (*omelette Du Barry rissoles Pompadour, crème Marie-Louise, bananes Beauharnais, bombe glacée Montmorency*) [Браницька 2008: 129-138].

Прецедентные феномены чрезвычайно активно используются в процессах онимической номинации, к примеру, в украинском языке при создании ойконимов – названий городов и поселков (*Хмельницький, Івано-Франківськ, Шевченко, Шевченкове, Ватутіне, Корсунь-Шевченківський*), регионимов – названий регионов, районов (*Шевченківський район* города Киева, *Михайло-Коцюбинський район* Черниговской области), годонимов – названий линейных объектов в городах и селах (бульвар *Лесі Українки, Шевченка*, улицы *Байди Вишневецького, С. Бандери, Попудренка, Володимирська*; площадь *Батюка*,

станции метро *Золоті ворота, Либідська, Майдан Незалежності*), прагматонимов – наименований товара (*Тарас Бульба, Івасик-телесик, Лисичка-сестричка, Лісова пісня* – конфеты; *Хрещатик, Першотравневий, Івасик-телесик* – торты; *Тарас, Ярило* – квас, *Гуцулка Ксеня* – вино, *Холодний Яр* – водка); порейонимов – названий транспортных средств (*Богдан* – название автобуса; *Запорожець, Славута* – марки автомобилей; *Шевченко, Іван Франко, Академік Корольов* – названия кораблей), эргонимов – наименований фирм, организаций торговли, банков, разнообразных сервисных учреждений, предприятий (*Тарас Бульба, Січ, Чумак* – рестораны; *У Богдана, Калина, Солоха* – кафе; *Кобзар, Першотравневий* – магазины; *Либідь, Жовтень* – отели; *Берегиня* – фирма, лицей; *Перун* – фитнесцентр), космонимов и астронимов – названий космических пространств и объектов (*Амосов, Кибальчич* – названия звезд), фалеронимов – наименований наград (*ордени Ярослава Мудрого, княгині Ольги, святого Володимира, Шевченківська премія, Симоненківська премія*), гастронимов – названий блюд (*Козацький* – напиток, *Партизанська* – каша, *Чумацька* – юшка, *Перець по-першотравневому* – закуска; *Довбуш* – пирог) и т. п. [Селіванова 2009а: 129-139].

Прецедентные мотиваторы всегда коррелируют с определенными структурами знаний и различными компонентами МПК, поэтому могут иметь пропозициональный, ассоциативно-терминальный или модусный статус. Так, пропозициональную природу имеет прецедентно мотивированное название кафе “*Нестор Махно*” в Гуляйполе Запорожской области, именованное в честь знаменитого земляка (именно там размещался штаб Махно в 1919–1921 г. г.). Ассоциативно-терминальный статус имеет прецедентный мотиватор названия фитнесцентра *Перун*, избранный номинаторами для того, чтобы подчеркнуть силу, могущество, которые приобретают посетители данного учреждения. Название кафе “*Солоха*” мотивировано метафорическим уподоблением в рекламных целях хорошей хозяйки, вкусных и питательных блюд сценарию, связанному с персонажем повести Н.В. Гоголя (Солоха была хорошей и гостеприимной хозяйкой).

В процессе онимической номинации прецедентные мотиваторы нередко задействуют модусный компонент оценки, что способствует росту потребительского интереса, формированию доверия к учреждению или товару, эстетической маркировке обозначенного и т. п. Так, название ресторана “*Калина*” отображает один из главных символов Украины, связанный с позитивной оценкой, эстетическим стереотипом прекрасного. Положительная оценка сказочных персонажей, богов, народных героев, персонажей художественных произведений повышает знаковый потенциал данных прецедентных феноменов, востребованных в процессах вторичной номинации.

8. Перспективы исследования.

Новая трактовка и типология мотивации позволяет углубить представления о связи номинации и когниции, о специфике организации знаний

в концептуальной системе, об особенностях этнического сознания, соотношении наивной, мифологической и научной картин мира, лингвокультурной компетенции представителей того или иного народа. Разработанная нами концепция когнитивно-ономасиологического анализа имеет значительные перспективы ее применения к исследованию номинативных и когнитивных структур и механизмов на материале различных классов языковых знаков. Модель МПК может быть использована как базовая при концептуальном анализе, изучении пропозиционально-метафорической природы поэтического синтаксиса, создании новой классификации ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-32.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Отв. ред. Г.В. Степанов / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
3. Бахтияров О.Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику / О.Г. Бахтияров. – К.: ЭКСПИР, 1997. – 160 с.
4. Блинова О.И. Мотивированность слова и функциональный аспект / О.И. Блинова // Русское слово в языке и речи. – Кемерово, 1976. – С. 16-21.
5. Браницька Я.В. Гастроніми в сучасній французькій мові: когнітивно-ономасіологічний аспект : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.05 “Романські мови” / Яніна Валентинівна Браницька. – Одеса, 2008. – 199 с.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. с англ. и нем. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
7. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н.Д. Голев. – Томск : Изд-во Алтайского ГУ, 1989. – 250 с.
8. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
9. Казимир І.І. Концепт ПТАХ у мовній картині світу українського народу : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Іванна Іванівна Казимир; Харківський нац. ун-т. – Харків, 2007. – 19 с.
10. Калько В.В. Когнітивно-ономасіологічний аналіз назв лікарських рослин в українській мові : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : 10.02.01 “Українська мова” / Валентина Володимирівна Калько. – Одеса, 2003. – 20 с.
11. Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц / Т.Р. Кияк. – Львов : Вища школа, 1988. – 161 с.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 342 с.

13. Коновалова О.В. Мотивація англійських ентимонімів у когнітивно-ономасіологічному висвітленні : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Ольга Володимирівна Коновалова. – Черкаси, 2009. – 194 с.
14. Кочерга Г.В. Мотивація відіменникових дієслів у сучасній українській мові (когнітивно-ономасіологічний аспект) : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Галина Василівна Кочерга. – Одеса, 2003. – 20 с.
15. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
16. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 555 с.
17. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова и др. – М. : Наука, 1996. – 245 с.
18. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Под ред. В.В. Петрова / Дж. Лакофф; пер с англ. В.И. Герасимова и В.П. Нерознака. – М. : Прогресс, 1996. – С. 143–184.
19. Литвин І.М. Мотивація російських відсубстантивних прислівників у когнітивно-ономасіологічному аспекті : автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.02 “Російська мова” / Ірина Миколаївна Литвин. – Київ, 2002. – 20 с.
20. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. – 760 с.
21. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. 23. – М. : Прогресс, 1988. – 420 с.
22. Рибалка Н.С. Мотивація номенклатурних назв ссавців у сучасній англійській мові : дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. наук : спец. 10.02.04 “Германські мови” / Наталія Сергіївна Рибалка. – Черкаси, 2010. – 187 с.
23. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
24. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология / Е.А. Селиванова. – К. : Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.
25. Селиванова Е.А. Миф и процессы номинации / Е.А. Селиванова // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отд. РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. – Ставрополь, Краснодар: АПСН: Кубанское рег. отд., 2010. – Вып. 8. – С. 46-54.
26. Селіванова О.О. Концептуалізація *свого* й *чужого* в українських пареміях / О.О. Селіванова // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – Вип. 5. – С. 214-231.
27. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

28. Селіванова О.О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О.О. Селіванова. – Київ-Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
29. Селіванова О.О. Прецедентна мотивація номінативних одиниць (на матеріалі української мови) / О.О. Селіванова // Філологічні студії: Збірник наукових праць / За заг. ред. проф. Л.А. Лисиченко. – Харків, 2009а. – С. 129-139.
30. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля-К, 2008. – 712 с.
31. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 286 с.
32. Торопцев И.С. Предмет, задачи, материал и методы ономазиологии / И.С. Торопцев // Проблемы ономазиологии / Научные труды Курского ГПИ. – Орел, 1974. – Т. 21. – Вып. 114 / 1. – С. 3-76.
33. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронного описания языка) / И.С. Улуханов // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 5-19.
34. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
35. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. – М. : Университетская книга, 1996. – 343 с.
36. Ярмоленко Г.А. Віддієслівні іменники української мови в когнітивно-ономазіологічному аспекті: автореф. дис. на здобуття вчен. ступ. канд. філол. н. : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Галина Анатоліївна Ярмоленко. – Одеса, 2008. – 20 с.
37. Barselona A. On the plausibility of claiming a metonymic motivation for conceptual Metaphor / A. Barselona // Metaphor and Metonymy at the Crossroads. A Cognitive Perspective. – Berlin, N.Y., 2000. – P. 36-44.
38. Chafe W.I. Repeated Verbalization as Evidence for the Organization of Knowledge / W.I. Chafe // Preprints of the Plenary session Papers XIY International Congress of Linguists. – Berlin, 1987. – P. 109.
39. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff G., M. Johnson. – Chicago : CUP, 1980. – 242 p.

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

УДК 811.111'42

**ДИСКУРС КАК ФАНТОМНЫЙ ОБЪЕКТ:
 ОТ ТЕКСТА К ДИСКУРСУ И ОБРАТНО?***
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
 Да будет свет! И вот явился Ньютон.
 Но сатана недолго ждал реванша.

Пришел Эйнштейн – и стало все как раньше.

С.Я. Маршак

В.Е. Чернявская. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? Статья рассматривает эвристический потенциал категории “дискурс” как особого объекта лингвистического анализа в современной парадигме гуманитарного знания. Многозначность интерпретаций и подходов к этому понятию делает его во многом эклектичным, размытым в своих границах. Автор статьи, обращаясь к различным национально специфическим традициям изучения категории дискурса, анализирует его в связи с другими традиционно сложившимися в российской школе функциональной лингвистики базовыми категориями, такими как функциональный стиль и жанровая форма. Показываются принципиальные различия и методологическое сходство в оперировании понятием “функциональный стиль”, с одной стороны, и дискурс, с другой и, в целом, между функционально ориентированной лингвистикой, с одной стороны и т.н. дискурс-анализом, с другой.

Ключевые слова: дискурс, текст, стиль, жанр, функциональная лингвистика

В.Є. Чернявська. Дискурс як фантомний об'єкт: від тексту до дискурсу й назад? Стаття розглядає евристичний потенціал категорії “дискурс” як особливого об'єкта лінгвістичного аналізу в сучасній парадигмі гуманітарного знання. Багатозначність інтерпретацій і підходів до цього поняття робить його багато в чому еклектичним, розмитим в своїх межах. Авторка статті, звертаючись до різних національно специфічних традицій вивчення категорії дискурсу, аналізує його у зв'язку з іншими базовими категоріями, що традиційно склалися в російській школі, такими як функціональний стиль та жанрова форма. Демонструються принципи відмінності й методична спільність в оперуванні

поняттям “функциональный стиль”, з одного боку, дискурс, з іншого, та в цілому, між функціонально орієнтованою лінгвістикою, з одного боку, й так званім дискурс-аналізом, з іншого.

Ключові слова: дискурс, текст, стиль, жанр, функціональна лінгвістика.

Valeria Tcherniavskaia. Discourse as phantom object: from text to discourse and back? This article addresses the issue of the heuristic potential of the category of discourse viewed as a specific object of linguistic analysis in present-day paradigm of the humanities. Multiple interpretations and approaches to the notion make it fuzzy and eclectic. In terms of various traditions of discourse analysis the author of the article looks into it as referenced to other basic categories such as the functional style and genre which have been traditionally used in Russian school of functional linguistics. The article focuses on the fundamental differences and methodological similarity in using the notion of the functional style compared to that of discourse and, more generally, on the differences between functional linguistics and the so-called discourse analysis.

Key words: discourse, text, style, genre, functional linguistics.

Как известно любому исследователю в широком блоке гуманитарного знания, сегодня рассуждения о дискурсе стали общим местом в публикациях последних десятилетий. При этом нельзя не отметить очевидную динамику в использовании этого термина, динамику, к сожалению, в большей мере отрицательную, нежели позитивную. Дискурс проделал эволюцию от воспринимаемого как новое до эклектичного, размытого в своих границах понятия, которое используется лишь как модная этикетка для мозаичных, часто плохо структурированных исследовательских подходов. Такое положение, если отвлечься от крайних оценок, в определенном смысле объяснимо и отчасти оправдано характером гуманитарного знания вообще и языковедческих исследований, в частности. В этом смысле безусловно верным представляется мнение С.Т. Золяна, высказанное им в аналитической статье 2009 года: “В гуманитарных науках, где особо сильна терминологическая инерция и словарь описания не подлежит радикальному изменению, с особой наглядностью проявляется то, что меняется не столько концептуальный аппарат, сколько стиль оперирования базовыми концептами. Может сложиться ситуация, что от самого концептуального аппарата остается только набор этикеток: означающие могут оставаться прежними, но им либо уже ничего не соответствует, либо же они отсылают к новым концептам, которые незаметно вытеснили прежние. ... В этом процессе возникают новые понятия, которые, не находя себе подходящего места, занимают чужую знаковую оболочку” [Золян: 13].

Да, гуманитарная наука развивается как принципиально диалогичная, плюралистичная, допускающая сосуществование различных, даже взаимопротиворечащих точек зрения – при том, однако, непременном условии, что эти точки зрения внутренне непротиворечивы и последовательны. Т.н. дискурсивная парадигма демонстрирует, к сожалению, многочисленные

примеры обратного, а именно, поверхностного, некритичного обращения с категориальными понятиями, что естественно порождает базовые вопросы со стороны специалистов. Присоединюсь к одному из таких вопросов, заданному профессором С.Т. Золяном в упомянутой статье “Язык и дискурс: что нового в “новой” дискурсивной парадигме?” и считаю возможным высказать собственную точку зрения.

Дискурс повторяет судьбу многих других понятий, включенных в свое время в активный научный оборот как несущие значительный эвристический потенциал, например, интертекстуальность. В результате безудержного некритичного использования внешней оболочки этого термина по отношению к самому разному, в т.ч. поверхностно объединенному кругу явлений, создался эффект девальвации термина: теперь интертекстуальность, как и дискурс – “это наше все”. А в итоге возникает, точнее, уже давно возникла опасность циркуляции определений по замкнутому кругу, эрзац-замена одних вполне сложившихся понятий другими – модными и квазиэвристическими. Возвращаясь к актуальной проблеме дискурса, обозначенного в заглавии статьи как “фантомный объект” лингвистического анализа, я хочу поставить целью свои рассуждения на вопрос о том, в чем действительно заключается методологический и методический потенциал дискурсивного анализа и где дискурс становится фантомообразным объектом.

Последнее суждение в значительной мере порождается знакомством именно с российскими публикациями и/или разработками, возникшими на основе советской научной школы функциональной стилистики, интерпретации текста и теории перевода. Здесь мои оценки базируются на знакомстве с исследованиями последних двух десятилетий ведущих университетских центров России, Украины, Белоруссии, Армении. Сделанный на “генетической общности проблемы” акцент представляется существенным потому, что в определенный период фундаментальные разработки в русскоязычном пространстве идей (и публикаций) пришли в соприкосновение с потоком англо-, франко-, немецкоязычных публикаций. Глобализация и вместе с ней “глобанглизация” политического и экономического пространства привела к такой же глобализации и глобанглизации наших языковедческих (в широком смысле этого слова) исследований. В научный оборот вошел термин “дискурс, дискурсивный анализ”, который наложился на существовавшие в отечественных школах научные теории, концепции etc. По сути, новая этикетка соединилась с далеко не новым содержанием применительно к русскоязычным традициям анализа текста/связной речи. Это во-первых. Во-вторых же, из-за некритичного использования термина дискурс как кальки происходит недопустимое смешение самостоятельных теорий, стоящих за самим понятием дискурс в различных национальных традициях.

Специалисты знают, что исследования дискурса как особой категории сложились в различных независимо существующих и развивающихся национальных школах. При изучении феномена дискурса ключевое значение

имеет научная традиция. Так, выделяются французская традиция анализа дискурса, связанная, в основном, с М. Фуко, Л. Альтюссером, Ж. Ж. Лаканом, М. Пешё, П. Серио – традиция, в первую очередь, политико-идеологического, исторического и социокультурного анализа дискурса. Она наиболее автономна в своем подходе и несовместима с лингвистическими принципами анализа. Отдельно развивалась немецко-австрийская школа анализа дискурса, применившая традиционные методы и принципы текстового анализа письменного текста к категории дискурса. Выделяется как самостоятельная англо-американская лингвистическая традиция анализа связной речи (*connected speech*), когда дискурсивный анализ направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего, т.н. “дискурс по ван Дайку”. Детальные и принципиальные отличия различных концепций рассмотрены в работах Чернявская 2006, 2009, во всяком случае, заинтересованный читатель найдет ключевую информацию и базовые ответы на почему-то не прекращающиеся вопросы о том, где начинается дискурс и кончается текст, “куда правильно ставить ударение в слове дискурс: на первый или на последний слог” и т.п. Правильный ответ даст знакомство с основами!

В целом, для современной ситуации дискурсно ориентированных исследований, например, в немецкой германистике характерна совершенно отчетливая *тенденция отграничивать понимание дискурса в философии и социологии* по М. Фуко, Ю. Хабермасу и др., и *лингвистические подходы к дискурсу*. Последние ограничиваются таким кругом исследовательских вопросов, как:

- анализ дискурса как связной речи (*connected speech, Konversationanalyse*),
- макросемантический и глубинносемантический анализ текстов,
- анализ дискурса как институционализированного языкового коррелята общественной практики,
- анализ дискурса как содержательно-смысловой совокупности текстов, в том числе объединяемых в единый дискурс ретроспективно.

Своего рода линия демаркации лингвистического и нелингвистического подходов к дискурсу задается вопросом “сколько от Фуко заключено в данном дискурсивно ориентированном подходе?”. Если “Фуко”, т.е. “социологии” слишком много, этот подход отмежевывается от собственно лингвистической науки. Именно такие акценты в современной интерпретации прозвучали на XXI Всемирном конгрессе германистов, проходившем в 2010 г. в Варшаве. Одновременно с этим отчетливо был сделан акцент на *ренессансе функциональной лингвистики* в современных языковедческих разработках. Для такого подхода к дискурсивному анализу существенно то, что он остается, в целом, в русле традиционного анализа текста и предполагает работу с текстом (от которого значительно, если не сказать, вовсе, отходят социологические и психоаналитические модели дискурса). Начальным этапом в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации

дискурсивного содержания, т.е. уровень текста. Его лингвистическая интерпретация осуществляется в русле традиционного стилистического анализа, когда устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развертывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определенные сегменты знания и т.п. Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и др. факторов. На этом этапе проникновение в глубинную структуру текста, т.е. в заключенный в нем смысл, осуществляется через обращение к специфическому социально-историческому контексту. В дискурсивном анализе ключевой вопрос ставится так: почему определенная дискурсивная формация связана с такими, а не с другими формами высказывания? Почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль? Иначе говоря, уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, когда исследователь задается вопросом, какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл. Последовательно проведенный анализ по заданному так алгоритму снимает и, в общем, давно снял ответ на вопрос, где кончается текст и начинается дискурс. Выражаясь еще более определенно, в современных зарубежных исследованиях этот вопрос давно уже не ставится.

В российском пространстве оперирование термином дискурс отличается особой мозаичностью в силу иных обстоятельств: он наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в функционально-стилистическом формате. Если оставить за скобками многообразные по внешней форме определения дискурса, циркулирующие в потоке публикаций, на первый план выходит основной принцип дискурсивного анализа, а именно, соединение в анализе собственно языкового с внешними по отношению к языку факторами, соединение внутритекстовых правил и регулярностей комбинации языковых средств с вокруг- и надтекстовым фоном, сопровождающим процесс порождения конкретного высказывания. Формулируя кратко, дискурс задает особое распределение внимания между результатом и процессом порождения высказывания. При этом внимание к этим феноменам в речеведении для отечественной науки далеко не ново. Напротив, они традиционно и последовательно выделялись в школе функциональной стилистики, что можно видеть в многочисленных публикациях с конца 1960-х гг. и по настоящее время В.В. Виноградова, Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, М.Н. Кожиной, А.Н. Васильевой, Т.Г. Винокур и многих других отечественных ученых. Русская функциональная стилистика традиционно постулировала необходимость изучения высказывания/текста в коммуникативно-

деятельностном аспекте. Отличительной чертой этого направления исследований всегда было внимание к функционированию языка в реальных актах речевого общения. Стилистико-речевая системность описывается как зависимость от экстралингвистических факторов – сферы общения, вида деятельности, целей и задач общения и т.д. С начала двухтысячных годов появился целый ряд публикаций, обобщающих основные итоги и векторы развития функциональной стилистики в российском пространстве (см., напр., [Кожина; Котюрова; СЭСР]. Специалист может только выразить удивление по поводу безудержных неофильских оценок и настроений, объявивших дискурс и дискурсивный анализ “новым исследовательским объектом”. Во многом это тот случай, когда новое название стало монтироваться с уже известным содержанием, создавая для не критичного ума эффект квазиновизны. Повторяя С.Т. Золяна, “в случае дискурса возникает не новый и не особый лингвистический объект, а новый ракурс изучения языка. Изменяется не сам объект описания, а модус описания – это не язык в себе и для себя, а язык в его соотнесенности с речью” [Золян: 14].

Ложный пафос новизны при оперировании термином дискурс приводит часто к тому, что “дискурс” используется параллельно или вместо “функциональный стиль” или “жанровая форма”. Так, в потоке исследовательских подходов часто невозможно определить разницу между понятиями научный стиль/научный дискурс; публицистический стиль СМИ/публицистический дискурс СМИ и т.д., учитывающуюся – и учитывающуюся ли вообще? – авторами. Часто приходится читать публикации, в которых говорится по сути о функциональном стиле и об анализе текста под этикеткой дискурс-анализа. Впечатление об эклектичности только усиливается от того, что в не критичных подходах социологическая и историческая традиция дискурсивного анализа смешивается с базовыми лингвистическими принципами и подходами.

При этом считаю необходимым подчеркнуть, что *дискурс как лингвистическая категория имеет безусловный эвристический потенциал* в практике анализа связной речи/текстов. Эвристически значимым и действительно новым, однако, выступает, с моей точки зрения, не акцент на динамичности и процессуальности, который, повторю, был органичным для традиций функциональной лингвистики четыре десятилетия назад. Новизна, приносимая категорией дискурс, связывается скорее с акцентом на его изучении как совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных. Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной сущности, построенной по своим внутритекстовым законам, идти к другим текстам. Здесь дискурс подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных высказываний/текстов. Содержание дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов.

В свою очередь, это заставляет по-новому взглянуть на критерий текстуальности и понимание текста не как (относительно) законченной единицы, но как открытой в метатекстовое пространство сущности (см. подр.: [Чернявская: 172-175]).

Категория дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике, принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем.

Традиционные функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, с типовыми и социально-значимыми сферами общения и деятельности, понимаемыми как масштабные, глобальные сегменты общечеловеческой практики. На современном этапе говорят о художественном, научном, официально-деловом, разговорном, публицистическом, религиозном стилях как о речевых разновидностях, соответствующих той или иной социально значимой сфере общения и деятельности и соотнесенных с определенной **формой сознания**.

В практике исследования различных типов дискурса (или дискурсивных формаций, в терминологии ряда исследователей) имеет место разделение общей сферы на более дробные сегменты. Главное и принципиальное *отличие* от традиций функциональной стилистики следует усматривать в том, что тот или иной “участок” коммуникации, с которым коррелирует дискурс и который определяет особую системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления в отдельных высказываниях/текстах как фрагментах одного дискурса, рассматривается как *эвристическая величина*, т. е. устанавливается опытным путем. Опытным путем и эвристично – это не значит произвольно, волюнтаристски сравнивая “шаровары Ивана Ивановича с нравом Ивана Никифоровича”. Путь выделения этой единицы – это так называемый путь “снизу вверх”, от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций. Исследователи говорят, например, о дискурсе микробиологии, о медицинском дискурсе, политическом дискурсе, дискурсе фашизма, коммунизма и др. При этом в качестве эмпирической основы изучения дискурса того или иного типа берутся тексты, объединяющиеся на основе содержательно-смысловых и интенциональных критериев. Это содержательно-тематическое сходство должно быть объективно наблюдаемо и интерпретируемо, а не произвольно конструируемо. Говоря о подвижности и гибкости границ в рамках одного дискурса, мы не будем иметь в виду ситуацию описанную в старом анекдоте:

Заказчик просит художника написать его портрет, тот соглашается и просит за работу сто долларов. В назначенный час заказчик приходит и видит на холсте непонятное нагромождение линий и мазков. “Неужели это я?”. “Да, это Вы, я так вижу”, – отвечает художник, – “Давайте сто долларов”. Заказчик протягивает бумажный рубль: “Вот сто долларов, я так вижу”.

Рамки дискурс-анализа не устанавливаются, во всяком случае, не должны устанавливаться по принципу “я так вижу”. В зависимости от коммуникативно-

прагматических и когнитивных целей *границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко, подвижно*, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других объективно существующих параметров. Определение дискурсивного корпуса, т. е. того, какие тексты входят в рамки данной тематической общности, базируется на понимании и толковании текстов. Его предпосылкой является интерпретирующая деятельность исследователя, выявляющего и аргументирующего общие содержательно-тематические отношения между текстами одного дискурса. Дискурс – это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (!) как языковой коррелят определенной социально-культурной практики.

Одновременно с этими утверждениями следует избегать попыток объявить о полной совместимости категорий “функциональный стиль” и дискурс, “функциональная стилистика” и “дискурсивный анализ”.

Общим является методологический принцип, лежащий в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов, а именно, анализ языковой специфики в ее экстраязыковой детерминированности, учет внешнего текстового фона как сильнодействующей основы для внутритекстовой системности.

Отличие в том, что функциональный стиль основывается на *форме общественного сознания*. Это – фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого. В этом отношении перечень функциональных стилей не бесконечен, но по определению конечен. Дискурсивный анализ повторяет методологический принцип функциональной стилистики в своей ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического. При этом делимитирующий критерий иной: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании *дискурсов может быть бесконечно много*, и внутри научного дискурса, например, выделимы дискурс химии, дискурс органической химии, дискурс генетики, дискурс лысенковщины в генетике и т.п. в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. И именно с такой точки зрения дискурс способен становиться фантомным объектом, т.е. зависимым от того, что “видит или не видит” субъект познания. Дискурс – это конструируемый объект. Функциональный стиль в границах теории функциональной стилистики ориентирован на облигаторные модели языковой деятельности, он связан, в первую очередь, с формой общественного сознания и видом деятельности. Ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль, доказать его существование как объекта анализа – значит доказать объективность существования

коррелирующей с ним формы сознания. В этом смысле были бы неубедительны по сути такие конструкты как “функциональный стиль химии, функциональный стиль фашизма, расизма” и проч. При этом безусловно существуют отдельные дискурсивные практики фашизма, расизма, феминизма и т.д., имеющие в качестве языкового коррелята совокупность тех или иных высказываний/текстов. Последние могут образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили. Например, тексты, конституирующие дискурс расизма, могут возникать внутри научного стиля (ср.: евгеника в период немецкого национал-социализма), в рамках обиходно-бытового стиля как бытовое разделение на “лучших” и “худших”, в публицистическом стиле и т.д. Дискурсивных практик/дискурсов может быть бесконечно много, при этом “наделяя дискурс самостоятельным существованием, учтем, что этого существования ограничены именно дискурс-анализом” [Золян: 21]. Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми – фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. *Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много.* Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике.

Определенный пафос отрицания, заданный здесь в этих рассуждениях, направлен не против дискурса как особого объекта, но против эклектичности и внутренней противоречивости тех подходов к его анализу, которые порождают впечатление о фантомности самого объекта. Я протестую против наклеивания модных этикеток на сложившиеся, традиционно изучаемые явления. Присоединюсь к мнению выдающегося отечественного лингвиста И.В. Арнольд, высказанному ею в одной из последних публикаций как вывод из деятельной жизни длиной в сто (!) лет: “Сущность гуманитарной науки заключена в ее истории. ... Внимательное изучение работ А.А. Потебни даст больше для познания сути языка, чем ... очень новая книга Лакоффа” [Арнольд: 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Преемственность в филологическом тексте / И.В. Арнольд // Труды Института лингвистических исследований. – Том III, ч. 1. СПб.: Наука, 2007.
2. Золян С.Т. Язык и дискурс: что нового в “новой” дискурсивной парадигме? / С.Т. Золян // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб-Ереван : СПбГУЭФ, 2009.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта, 2010.
4. Котюрова М.П. Стилистика научной речи / М.П. Котюрова. – М. : Академия, 2010.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, 2003.
6. Чернявская В.Е. Дискурс / В.Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, 2003.
7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : URSS, 2009.
9. Warnke J. Adieu Text – bienvenu Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalistischen Entgrenzung des Textbegriffs // Brauchen wir einen neuen Textbegriff?: Antworten auf eine Preisfrage. U. Fix (Hrsg). F/M: Peter Lang, 2002.

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

РЕДАКТОРЫ

Ирина Семеновна Шевченко, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ishev7@gmail.com

Владимир Ильич Карасик, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir_karasik@mail.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алла Дмитриевна Белова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

Лилия Ростиславовна Безуглая, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

Владислав Иванович Говердовский, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Светлана Анатольевна Жаботинская, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

Евгения Анатольевна Карпиловская, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

Герхард Коллер, доктор, директор лингвистического центра, университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

Геннадий Николаевич Манаенко, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией "Личность. Информация. Дискурс" ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

Алла Петровна Мартынюк, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

Морин С. Миниелли, доктор филологии, Кингсборо колледж университета г. Нью-Йорк; e-mail: maureen.minielli@verizon.net

Лев Михайлович Минкин, доктор филологических наук, профессор кафедры делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lev.minkin@gmail.com

София Ахметовна Моисеева, доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

Елена Ивановна Морозова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

Валентина Григорьевна Пасынок, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

Лидия Сергеевна Пихтовникова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: germphil@univer.kharkov.ua

Анатолий Николаевич Приходько, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета внутренних дел; e-mail: apykhod@ Rambler.ru

Елена Александровна Селиванова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

Геннадий Геннадьевич Слышкин, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Волгоградского филиала Российского государственного торгово-экономического университета; e-mail: ggsl@yandex.ru

Людмила Васильевна Солощук, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Евгения Валериевна Бондаренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ybond7@gmail.com

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 3 см., справа – 1 см., сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

Н.И. Иванова (Киев, Украина)

2. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать актуальность, объект и предмет, цель и материал статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

3. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

4. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

5. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

6. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течении месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2011, № 3

Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою, французькою мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

Підписано до друку 25.06.2011. Формат 60x84/8.

Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.

Обл.-вид. арк. 6,19. Ум.-друк. арк. 5,32.

Тираж 100 прим. Ціна договірна.

Надруковано з готових оригінал-макетів ФОП “Азамаєв В.Р.”
Свідоцтво про внесення суб’єкта видавничої справи до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ХК № 135 від 23.02.05.
Харків, вул. Познанська, 6, кв. 84.
Тел.: 8(057) 362-01-52